

В. АНУЧИНЪ.

Программа Шамахистовъ.

Часть 1-я

ИЗЖИТОЕ.

Издание Т. В. Сенченко.

ТОМСКЪ.

Типо-лит. Сибир. Т-ва Печати. Дѣла, уг. Дворянской и Ливерго пер., с. л.

1918.

862014

В. АНУЧИНЪ

Программа Шамахистовъ.

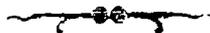

Часть 1-я

ИЗЖИТОЕ.

Издание Т. В. Сенченко,

ТОМСКЪ

о-лит. Сибир. Т-ва Печатв. Дѣла, уг. Дворянской и Ямского пер., с. 1
1919.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	Стр
I Вступленіе	1—6
II. Монархисты: Самодержавіе. Православіе. Хри- стіанство. Капіталістическій. строй . . .	6—22
III. Соціалісты: Большевики и максималисты. Меньшевики и правые есеры.	22—74
IV. Промежуточные партіи: Партія народной сво- боды. Народные соціалісты. Союз об- ластников. Об'единенія. Блоки	74—82
V. О партіях вообще.	82—89

ВСТУПЛЕНІЕ.

Безпримѣрна по масштабу и грандіозна по результатамъ всемірная война; велика послѣдствіями для всего міра русская революція, но, при всем том, это все-же только два кратких момента во всечеловѣческом прогрессѣ, только моменты, входящіе очередными звеньями в то цѣлое, которое называется исторіей. И эти два момента, война и революція, они не могут быть разцѣниваемы сами по себѣ. И война и революція являются необходимым слѣдствіем того, что происходило до них, онѣ имѣют безконечно-глубокіе корни в прошлой жизни человечества: войну и революцію сдѣлали не мы, не наше поколеніе, а все человечество в цѣлом

Правда, знанія человѣческія еще настолько скудны невѣждество еще настолько велико, что мы не в состояніи безпорно об'яснить: почему война и революція произошли именно в этой странѣ и в данном году, а почему не в другой части земного шара и не на год раньше?

Пусть одни клянут „империалистическую“ буржуазію, яко-бы виновницу войны, пусть другіе поносят социалистов за то, что будто-бы они создали нам революцію. Пусть! Вѣдь это темные люди, которые изза дѣревьев не видят лѣса. это обыватели, которые міровые интересы и событія рассматривают с точки зрѣнія собственнаго кухоннаго благополучія и цѣн на мануфактуру. Пусть поверхностные публицисты бульварных газет увѣряют, что причиною войны послужило сооруженіе Гамбург-багдадской желѣзной дороги: они не умѣют различить причину от перваго проявленія послѣдствія.

Имѣя питающіе корни в глубоком прошлом, будучи простым слѣдствіем естественныхъ причинъ, война и революція своими результатами порождаютъ рядъ послѣдующихъ явленій какъ в близкомъ, такъ и далекомъ будущемъ: война и революція вошли в міровую исторію какъ слѣдствіе и немедленно превратились в свою очередь в причину, — и ни какія человѣческія силы уже не могутъ не только уничтожить, но даже хоть в какой-либо мѣрѣ умалить значеніе и силу двухъ великихъ катастрофъ.

Теперь, когда все человѣчество и прежде всего мы русскіе поставлены передъ вопросомъ: какъ найти выходъ изъ ужаснаго тупика, в который насъ загнали война и революція, — именно теперь-то и нужно опасаться сдѣлать ошибку, переоцѣнивъ, или недооцѣнивъ явленія. Нужно сказать, что, на самомъ-то дѣлѣ, можетъ быть, никакого тупика и нѣтъ — это только наша политическая близорукость мѣшаетъ увидать выходъ; а с другой стороны — мы знаемъ изъ опыта прошлаго, что нѣтъ такого положенія изъ котораго бы человѣчество не вышло: исторія на тупикахъ не останавливается. Но ни то, ни другое соображеніе не могутъ опредѣлить линіи нашего поведѣнія и искать выходъ мы обязаны при всякихъ условіяхъ, ибо насъ къ этому побуждаютъ и стремленіе къ соціальному творчеству и требованія житейской необходимости.

И мы видимъ, что вопросъ: какъ найти выходъ изъ тупика, что онъ не остается безъ отвѣта. Наши политическія партіи и организаціи, уже в силу своего существованія обязаны дать такой отвѣтъ, и онѣ его даютъ. Каждая партія и организація рекомендуетъ себя какъ исключительную обладательницу истинныхъ знаній и ключей отъ нашего будущаго. Намъ остается вѣрить, что партія, приглашая человѣчество слѣдовать за собою, понимаетъ всю тяжесть отвѣтственности, которая ложится на нее, повѣритъ и пойти за партіей.

— За которой?

Совершенно резонный вопрос, ибо партій у нас так много, лучше сказать слишком много.

Уже одно то обстоятельство, что партій *много*, оно неопровержимо свидѣтельствуєтъ о том, что всѣ онѣ никак не могутъ быть обладательницами истины, потому что истина всегда едина и не дѣлится на ипостаси. Слѣдовательно, истиной обладает, если только обладает, которая-нибудь *одна* партія, а всѣ остальные не больше, какъ обманщики, которые преступно сбиваютъ челоѣчество с пути истины.

И вот, какъ только у челоѣка проснулись „гражданскія чувства“ и онъ рѣшилъ „исполнить долгъ“ и слѣдовать за партіей—немедленно-же, вмѣсто того, что-бъ идти за парпартіей, онъ превращается в судью партій, ему предстоитъ трудная задача сдѣлать выборъ и, подобно сказочному герою, угадать: которая изъ двѣнадцати дѣвицъ царевна.

В наши дни, когда челоѣчество в большинствѣ еще безграмотно, когда много усвоившихъ внѣшній лоскъ цивилизаціи, но такъ мало людей культурныхъ,—у насъ выборъ партій происходитъ очень просто: рабочій идетъ в „рабочую“ партію, крестьянинъ в „крестьянскую“, не особенно усердно разбираясь в программахъ вопросахъ. Что касается обладательницы культуры—интеллигенціи, то ей не отведено особаго стойла; ей предназначена роль „прихвостней“, при чемъ предоставлена свобода выбора: интеллигентъ можетъ, по собственному выбору, стать либо прихвостнемъ капитализма, либо прихвостнемъ пролетаріата.

Конечно, такой вульгарно-примитивный порядокъ не можетъ долго существовать и опереточныя партіи не годны для соціального строительства, а потому намъ, загнаннымъ в историческій тупикъ, необходимо, при выборѣ партіи,

проявить большую строгость и понимание ответственности задачи.

Практикуется и еще один способ найти „подходящую“ партию и он не менее прост: выбирают ту партию, которая больше общается. Человек, дѣлающій такой выбор, не всегда плохой человек, очень не рѣдко он большой альтруист, ибо останавливает свой выбор на такой партии, которая много общается не ему и не его классу, а другим.

И этот способ выбора партии не приемлем, хотя бы по одному тому, что чѣм больше партия, или организациа общается, тѣм сильнѣе ея уклон в сторону демагогии.

Во всякое другое время может быть и можно мириться с существованіем десяти, двадцати партий (каждый по своему развлекается) но теперь, когда мы рискуем судьбами русскаго народа и народов вообще, когда революція, безмѣрно дорого нам стоившая, превращается в безалаберную смуту,—теперь невозможно идти в разброд по десяти дорогам, нужно найти что-то единое, общепризнанное. Если этим единым, если истиной обладает какая-либо политическая партия—пойдем за нею и скажем, что всѣ остальные партии—это просто знахарки, которых нужно выгнать вон.

Весьма возможно, что в спокойных условіях государственной жизни любая партия, допущенная к власти, опираясь на существующія „принудительные аппараты“, и смогла бы выполнить свои обѣщанія, но в наши дни, когда у государства нѣтъ почти никаких аппаратов, каждая партия, ставшая правительственной, может рассчитывать только на свои собственные силы.

Конечно, этих сил слишком недостаточно, чтоб осуществлять реформы, или реставраціи—и при таких условіях всякая партия, ставшая у власти, только порочит, дискре-

дитирует себя, и мы видѣли это на многих наглядных примѣрах.

Оставляя в сторонѣ эти, хотя бы и широко распространенные, но совершенно непозволительные обывательскіе способы партійнаго самоопредѣленія, перейдем к тому единственному способу, который не уронит имени гражданина.

Но прежде чѣм партійно самоопредѣлится, необходимо дать рѣшительный отвѣтъ еще на один вопрос, а именно: непремѣнно-ли исполненіе обязанностей гражданина требует принадлежности к той или иной партіи? Или что тоже: принадлежит-ли партіям привиллегія соціальнаго строительства?

На этот вопрос можно отвѣчать и положительно и отрицательно. В условіях нашего времени партійность—это все, и партіи являются тѣми авгурами, которым принадлежит монополія разрѣшенія какъ соціальных проблем, так и вопросов политической обидени.

Таким образом каждый из нас, если он не желает отойти от общественной жизни, волей-неволей вынужден: или записаться в партію, или, по меньшей мѣрѣ, „сочувствовать“ ей. И тот и другой случай уже предполагают, что гражданин хорошо продумал программу, вполнѣ согласился с ея обоснованіями в области философіи исторіи и нашел, что всѣ ея требованія благодѣтельны для человечества. Кромѣ того, это уже зависит от темперамента и высоты настроенности, гражданин признает, что требованія партіи дѣйствительно осуществимы, или что онѣ должны быть осуществлены во имя высшей справедливости, хотя бы и путем нѣкотораго насилія.

Это и есть единственный способ партійнаго самоопредѣленія.

Если мы, русскіе граждане, ограничены в выборѣ толь-

ко программами наличных партій, если нам для составленія міросозерцанія даны только нѣсколько готовых шаблонов, то очевидно, что в поисках выхода из историческаго тупика, нам и нужно прежде всего пересмотрѣть эти шаблоны и установить: при помощи котораго из них мы найдем выход.

II.

МОНАРХИСТЫ.

Русскій монархизм дореволюціоннаго времени по существу своему не был отраслью политическаго или социальнаго міровоззрѣнія, это скорѣе было особым кругом прикладныхъ знаній,— и настроеніе каждаго монархиста весьма точно измѣрялось величиной или непосредственной субсидіи, или тѣхъ чрезвычайно земныхъ благъ, которыя доставались на долю усердныхъ слугъ монархическаго строя.

Поэтому, когда самодержавный строй в Россіи рухнул, „монархисты“ или, учтя момент, перешли в другія партіи, или молчаливо отошли в сторону. Они не выступили на защиту монархизма по той причинѣ, что и выступать им было не с чѣмъ: полное отсутствіе даже слѣдовъ идеологіи, безстыдно-открытая купля-продажа совѣсти за ежемѣсячное жалованіе—с такимъ багажемъ не выступаютъ в историческіе моменты.

Вспоминаются слова извѣстнаго ученаго, археолога А. С. Спицына, чрезвычайно удачно выражающія настроенія и политическія взгляды этихъ „монархистов“:

— „Какъ-же мы противъ царя можемъ идти, вѣдь онъ насъ калачикомъ кормитъ, да еще и слобнымъ“!

Эта мораль, мораль домашнихъ животныхъ, всегда была общимъ признакомъ русскаго монархизма, хотя отнюдь не-

возможно спорить, если скажут, что это типично для всякаго вообще монархизма. Трудно возражать и в том случаѣ, когда будет указано, что были (и есть), так сказать „идейные“ монархисты, но можно утверждать, что таких донкихотов очень мало, настолько мало, что они не могут послужить дрожжами для общественнаго движенія.

Сибирскій переворот и изгнаніе большевиков вызвали вспышку монархическаго движенія, послужили толчком для него и, не нужно быть пророком, чтобы сказать, что движеніе имѣет почву, чтобы расти и шириться.

Почвой для этого движенія служит некультурность широких масс русскаго общества и то, что называется обывательщина, а так-же отсутствіе общественной инициативы.

Обыватель разсуждает так:

— При царѣ было плохо—это вѣрно, но при большевикахъ стало еще хуже—слѣдовательно, нужно вернуться к менѣе плохому старому!

Обыватель умѣет выбирать только между двумя необходимостями и не способен творить: искать третьяго исхода. Не малую роль при этом играет и соблазнительная надежда получить обратно, отнятыя революціей привилегіи и преимущества.

Можно допустить и всякія иныя соображенія в пользу реставраціи монархіи, онѣ сущности дѣла измѣнить не могут: возможность и необходимость реставраціи остаются очень сомнительными.

Для того, чтобы судить о прочности зданія, необходимо имѣть представленіе о качествѣ его фундамента; тоже самое требованіе приложимо и к логическим построеніям, и для того, чтоб не беспочвенно говорить о возможности, или невозможности реставраціи монархизма необходимо заглянуть на его обоснованія.

Монархизм зиждется на трех основах: самодержавіе, православіе и капиталистическій (или, выражаясь языком митинговаго оратора, буржуазный) строй.

Самодержавіе. Оно умерло. Оно не было убито постороннею силою. Нѣтъ! Оно изжило само себя и рухнуло, как отжившее дерево—потому-то русская революція и была в началѣ безкровной.

По существу говоря, если разсматривать событія в мировом масштабѣ, то придется признать, что русское самодержавіе слишком долго жило. Умерло самодержавіе, как пережиток, оставшійся от времен военной организаціи общества, в таких, безусловно болѣе отсталых, странах как Турція и Китай, и почему-то осталось жить в Россіи. В силу общечеловѣческаго прогресса оно должно было умереть и в Россіи,—и умерло.

Как-же его реставрировать?

Древніе люди были болѣе счастливы: они с успѣхом занимались воскрешеніем мертвых и нерѣдко дѣлали из этого себѣ профессію, но как быть с покойником, хотя бы и самым дорогим, в наши дни? Очевидно, остается единственный исход: похоронить.

Из прошлаго никому нѣтъ возврата.—мы это всѣ знаем, знают и монархисты.

Нѣтъ ничего невозможнаго в том, что в концѣ 1919 года Россія опять будет имѣть монарха, какого-нибудь „Царя Василія из простецов“, как ждуть нѣкоторые старобрядцы, но этот царь не будет даже напоминать царей из дома Романовых, ибо война и революція внесли глубокія измѣненія в основу нашей жизни. Это не будет возстановленіем самодержавія: царя можно посадить, но возстановить прежнія условія жизни—это не в силах человѣческих, а так как монархистам-шкурникам нужен не

сам царь, а только сдобный калач, то возстановленіе монархіи и их ни в какой мѣрѣ не удовлетворит.

Самодержавіе умерло и, конечно, безвозвратно.

Конституціонная монархія? Царь, который не управляет, царь для модели, политическая бутафорія? Одно можно сказать, что Россія теперь слишком раззорена и не при ея долгах и нищенском положеніи заводитъ драгоцѣнныя игрушки. На что уж русскіе купцы старинѣ привержены, а и тѣ перестали свадебных генералов приглашать.

И если Россія через год всетаки будет имѣть монарха, то это будет явная фальсификація, современная поддѣлка под старину, которая меньше всего понравится дѣйствительным любителям старины.

Слѣдует пожалѣть искренних монархистов, ибо им будет больно, когда они почувствуют, что от их святыни явно несет смрадом трупа.

Православіе. Знатоки вопроса и люди вообще любящіе поболтать очень много спорили о том: кто кого питает; кто кѣм держится? Православіе самодержавіем, или наоборот? Совершенно праздный спор, ибо самодержавіе и православіе это двѣ стороны одной медали. Управление и руководство умами—онѣ всегда симметричны, а малѣйшее измѣненіе симметріи неизмѣнно выражается сильными историческими шороховатостями и неладами в общественной жизни.

Самодержавіе немислимо без православія и наоборот, а потому крушеніе одного является в тоже время паденіем и другого—и мы, пережившіе великую русскую революцію, видѣли это собственными глазами.

Если падающее самодержавіе мы подтолкнули, то вдовствующее православіе никто и не думал трогать, но оно

всетаки зашаталось. Хватаясь за ускользящую жизнь, православіе только еще болѣе себя дискредитировало: однѣ куцыя ектеніи чего стоят, а многолѣтіе „Благовѣрному Временному Правительству“... Удивительно: как это у попов язык ворочается, произнося столь кощунственные слова, *Благовѣрное* правительство... состоящее из социалистов и атеистов! Едва ли когда нибудь церковь, в своем прислужничествѣ сильным міра, доходила до такого безстыдства.

Для кого еще осталась авторитетной такая шатающаяся церковь? Кому она нужна?

С паденіем самодержавія в православіи выпала одна из крупнѣйших основ: „помазанникъ Божій“, „благочестивѣйшій“. Православіе служило оправданіем самодержавію, но мертвому оправданіе не нужно.

Если Карлейль, религіозный человекъ, да к тому-же еще и англичанин сказал:

— „Обряды, литургіи, символы, іерархіи,--все это не религія“¹⁾, то не приходится искать подтвержденій для мысли: православіе во первых не религія и во вторых не ученіе Христа, а простая подпорка самодержавію, измышленіе угодливых монахов.

Всякій кому приходилось слышать так называемых „духовных“ ораторов, по всей вѣроятности, уловил тот наивный, семинарскій пріем, гдѣ оратор ищет доказательств от науки: перечисляется ряд „громких“ имен—Кювье, Сент-Илер, Фаредей, Кант и т. д.; указывается, что всѣ они натуралисты, философы и не без склонности к социализму и все-таки признают необходимость религіи. В дальнѣйшей рѣчи слово религія подмѣняется словом христіанство, а потом это послѣднее—словом православіе. В

¹⁾ Т. Карлейль. Теперь и прежде. М. 1916 г., стр. 325.

заключеніи оратор иронизирует над „современными философами из недоучек“, которые по глупости говорят о необходимости отдѣленія церкви от государства—и не замѣчает курьезности положенія: когда на защиту православія выдвигается ряд хотя и очень громких имен, но сплошь католиков. Признать необходимость религіи—вовсе не значит признавать необходимость христіанства, а христіанство не равнозначуще православію, которое является лишь одною из христіанских сект.

Западно-европейскіе социалисты и православные попы утверждают, что католичество является гнуснѣйшим извращеніем завѣтов Христа, а русскіе социалисты и католическіе попы тоже самое говорят о православіи—надо признаться, что сужденія их в суммѣ совершенно правильны, а потому, предоставив сторонам продолжать взаимокритику, обратимся к первоисточнику.

ХРИСТІАНСТВО.

Появленіе ученія Христа было выдающимся моментом в жизни человѣчества, одним из возрожденій, но это было так давно, род людской послѣ этого так много пережил, что теперь ученіе Христа уже не может служить руководящим началом.

Оно не удовлетворяет ни потребностям духа, ни укладу жизни. Основная заповѣдь: любовь к ближнему, она создана примѣнительно к условіям времени. Даже культурная часть человѣчества времен Христа не обладала достаточным количеством точно разграниченных понятій и несомнѣнно тогдашнее содержаніе понятія *любовь* не совпадает с нашим, оно было шире, неопредѣленнѣе. Поскольку можно судить по контекстам евангелія и по его духу, под любовью нужно разумѣть состраданіе и самоотрѣшеніе.

Говорить о любви к ближнему в наше время будет ненужным фарисейством. Любовь, как и всякое иное чувство, рождается в человѣкѣ помимо его желаній—и не может быть искусственно создано. Я люблю одного человѣка и у меня нѣтъ любви к другому—и я безсилен перемѣнить их роли. Я не могу любить озвѣрѣлаго убійцу, а могу только сострадать ему, сожалѣть его, простить.

И именно это обстоятельство послужило причиною того, что ученіе Христа извратилось в христіанство, безконечных исповѣданій, настолько далеко ушедшее от первоисточника, что если-бы Христос увидал наши дни, то он бы сказал: я Христос, но не христіанин. А может быть вторично почел-бы себя вынужденным взять веревку. Апостол Павел был первым, кто так безцеремонно раз'яснил Христа, прибавил столько отсебятины, влил туда так много языческаго из культа бога Митры, что христіанство уже исчезло, а осталось *павлианство*, как впоследствии толстовство. Соборы и отцы церкви, послѣдовавъ примѣру Павла, тоже усердно раз'ясняли и пополняли ученіе Христово и дошли до современнаго оффиціальнаго христіанство помпезнаго и бездушнаго.

Можно, конечно, вопреки запрещенію самого Христа (куда и какое вино слѣдует лить) сдѣлать попытку *хорошо* истолковать ученіе Христа и приспособить его к современности, как можно из хитона древней гречанки сшить для русской бабы сарафан, но зачѣм это нужно?

Если кому-нибудь довелось побывать на лекціи виднаго сторообрядческаго вождя, П. М. Мельникова, тот помнит, как этот человѣкъ, несомнѣнный христіанин, трижды истово перекрестившись, грубо профанировал и зущал Христа. Христос, по раз'ясненію Мельникова, велѣвъ богатому юношѣ продать имущество, а деньги раздать бѣдным, Христос в этом случаѣ „не заповѣдал, а просто

дал совѣтъ“. Таким образом, Мельникову дано различать: когда Христос повелѣвает в качествѣ Бога—и когда он дает совѣты богатым бездѣльникам. Но вѣдь Мельников полномочій от Христа на представительство не имѣет и другой лектор может с таким же правом анулировать другую заповѣдь Христа и толковать ее как бесплатную юридическую помощь.

Таковое современное крючкотворное христіанство и пророки его—Мельниковы, которые могут извратить любую заповѣдь в угоду сильным міра, или жадным скрягам, желающим именоваться христіанами, но ни в коем случаѣ не раздавать имущества бѣдным *).

И отсюда понятным становится: почему теперь так много „бывших“ христіан, людей индифферентных к вопросам вѣры—их плодят Мельниковы своими заушеніями Христа, отвратительными стараніями приспособить прекрасные завѣты к неправдам социальной жизни.

Но ни с чѣм не сравним тот удар, который нанесен христіанству настоящею войною. Воюют как-раз всѣ христіанскіе народы. Имѣя одного Бога, эти христіане служат молебны и просят Христа помочь им побѣдить врагов.

Кого-же должен слѣдовать Христос? кому помогать и кого отдать на растерзаніе?

Своими молитвами послѣдователи Христа вынуждают его забыть свою-же заповѣдь и стать либо на сторону Эллина, либо на сторону Иудея.

Мельников скажет нам: Христос будет помощником благочестивых и поразит нечестивых.

Но ставши на сторону благочестивых, Христос должен будет заботиться о том, чтоб их ядовитыя газы как можно злѣе выѣдали глаза у противников, чтоб их даль-

*) Св. Василій Великій и св. Иероним не согласны с г. Мельниковым, они категорически утверждают:—„богатство есть кража“.

нобойныя орудія как можно сильнѣе разрушали школы и храмы Христа, чтоб их шпионы как можно вредоноснѣе выполняли их грязное дѣло.

И остается одно из двух: либо Христос дѣйствительно проповѣдовал любовь, братство, равенство и интернаціонализм, а евангеліе правильно передает его ученіе, но в таком случаѣ эти люди, истребляющіе друг друга и уничтожающіе культуру, они не христіане; либо эти люди христіане, но они послѣдователи какого-то другого Христа, не того, который дал евангеліе; их Христос помогает братоубійцам, их Христос негодяй, который из-за угла убивает дѣтей, их Христос говорит одно, а дѣлает другое, их Христос шарлатан который от бѣдняков требует исполненія долга, а богачам только дает совѣты.

Христіанство, как и самодержаніе, отжило свое время, выродилось в злого дегенерата—оно не только безсильно помочь нам найти спасительный выход, оно, как кандалы, мѣшает нам.

В нездоровых условіях нашей жизни возникают иногда болѣзненные явленія, общественная мысль бродит по темным закоулкам, прорастает без свѣта в подпольях и этот чахлый, заживо гнүющій продукт служит пищею многих умов и отравляет их.

Не рѣдко приходилось слышать такое возраженіе:

— Да. Я согласен: для нас, для интеллигенціи и монархизм и христіанство, дѣйствительно, изжили себя и, не стану спорить, являются отрицательными величинами. Но что подѣлаете: русскій безграмотный народ еще слишком темен, ему еще нужна палка, ибо без Бога и без царя он на стѣну лѣзет!—

При этом непременно слѣдует или опредѣленное указаніе, или скромный намек на прекрасныя знанія оратор-

ром народа, знанія вытекающія из многолѣтных и при том дѣловых сношеній с мужиком.

Нужно-ли говорить, что подобныя рѣчи принадлежат либо ограниченным, но самодовольным обывателям, которые непрошено берут на себя труд: думать за „темных мужиков“; либо чрезвычайно лукавым политикам, тѣм самым, которые по воровскому выраженію: на подкидку берут.

Первые настолько наивны, что думают, что достаточно пять лѣтъ прожить на дачѣ и десять лѣтъ покупать у мужика молоко, чтоб разрѣшать мужицкія нужды; это тѣ, которые полагают, что «политикою всякъ заниматься может», это тѣ невѣжды, которые не знают, что для разрѣшенія социальных проблем и для работ по общественному строительству нужны спеціальныя знанія и совершенно недостаточно благополучнаго прохожденія юридическаго, медицинскаго, или иного факультета. Одним словом, люди которые неудачно „лѣзут в калачный ряд“.

Вторые—лукавые, они дѣлают вид, что ради темнаго мужика поступаютъ своими интересами и готовы мириться с несовершенствами общественнаго строя, на самом-же дѣлѣ это тѣ люди, которым при царях жилось хорошо и спокойно и они полны тайною надеждою, что еще все вернется, а темный мужик для них ширма.

За послѣднее время и довольно нерѣдко приходится слышать деревенских людей, настаивающих на необходимости избранія царя. но здѣсь свои оригинальные мотивы и обыкновенно выставляется такое соображеніе:

— Ежели управляютъ артельно, то виноватаго никогда не оказывается: друг на друга сваливают. Пусть лучше один орудует—знаешь тогда, с кого спрашивать.--

Весьма резонно и безусловно правильно, но отсюда еще очень далеко до необходимости избранія царя. Здѣсь

очень мѣткая и злая критика несовершенств «коллегіальнаго» управленія и только, а если мужицкая мысль и обращается к царю, то это в силу того, что ей пока извѣстны только двѣ формы управленія: плохой царь и еще болѣе плохой, да еще и анонимный коллектив.

Поддерживать подобное наивное блужданіе общественно-невоспитанных умов—чистѣйшая демагогія, а базировать на них программу государственнаго строительства—эта участь импотентных политиканов из медвѣжьяго угла.

Что же касательно религіи-палки, то здѣсь прежде всего поражает то, что такое кощунственное предложеніе дѣлают как раз люди, называющіе себя вѣрующими; по существу-же здѣсь кроется подстрекательство на социальное преступленіе, ибо оставить народу «обряды, литургіи, символы» и пр.—это значит предоставить ему и впредь коснѣть во тьмѣ суевѣрій.

Если мы хорошо знаем, что поклонами, свѣчами и пѣніем тропарей еще ни один народ не создал общественнаго благополучія и справедливаго государственнаго строя, то на что, спрашивается, мы сами можем рассчитывать, оставляя своему народу религію-палку? Тѣм болѣе, что всякая палка о двух концах.

Капиталистическій строй. Апологеты буржуазіи сильно упрекают социалистов в том, что тѣ, проповѣдуя классовую борьбу, вносят элементы разложенія в государственную жизнь. Упрекъ справедливый, но сами обвинители еще в большей мѣрѣ заслуживают тот-же самый упрек, ибо они, если не проповѣдуют, то фактически ведут классовую борьбу, настаивая на полном сохраненіи капиталистическаго строя, т. е. своего привилегированнаго положенія.

Такой умѣренный нѣмецкій изслѣдователь: как Шмоллер, по нашей терминологіи несомнѣнный «кадет», пишет: *) — „Экономическій режим, основанный на власти золота и духа предприимчивости, разжигал классовую борьбу и создавал самыя благоприятныя условія для нея“.

Для того, чтобъ успѣшно доказывать необходимость реставраціи капиталистическаго строя, нужно незыблемо установить, что этотъ строй есть предѣлъ человѣческаго прогресса, что человѣчеству дальше идти некуда и незачѣм. Можно быть увѣренным, что ни один из самыхъ ярыхъ сторонниковъ капиталистическаго строя не рѣшится выступить с такимъ утвержденіем. Слишкомъ громко воиютъ язвы этого строя, слишкомъ очевидны его неправды и несправедливости и прежде всего: слишкомъ неравномѣрно распределены богатства. Нельзя признать нормальнымъ такой порядок, при которомъ одинъ человѣкъ не можетъ найти себѣ дневнаго пропитанія, а другой физически не въ состояніи израсходовать на себя въ теченіи года свою однодневную прибыль.

Еще полсотни лѣтъ тому назадъ М. Вайнгольд въ своей «Исторіи труда» писалъ:

— „В первобытныя времена работа была *необходимостью*, в древности она была *бременем*, в средніе вѣка— *привиллеіей*, в новѣйшія времена она является *правом* в будущемъ она будетъ *обязанностью*. Идеалъ-же заключается въ томъ, что-бы работа стала *удовольствіем*“.

Такова картина прогресса, но обратившись къ условіямъ капиталистическаго строя, мы видим, что онъ не только пріостановилъ прогресс, но создалъ регресс; создано новое отношеніе къ работѣ: работать какъ можно меньше въ силу 'соціальной необходимости.

*) Г. Шмоллер. Борьба классовъ и классовое господство. М. 1906.

Двадцать пять лѣтъ тому назад Ж. Гэд, в рѣчи, произнесенной в палатѣ депутатов (в 1894 г.), с ужасом указал: — „Что в нѣкоторых англійских трэд-юніонах (рабочих союзах) в параграфах устава оговорено исключеніе рабочаго, выполняющаго слишком большое количество работы, так как этим самым он не только себя, но и своих товарищей обкрадывает в работѣ и заработкѣ, обрекая их и себя на безработицу в будущем. Во имя солидарности, англійскіе трэд-юніоны принимали мѣры против тѣх членов, *которые стали бы производить слишком многу в короткий срок.*“

Надо только представить весь ужас этого положенія, когда является необходимость изгонять из общества слишком способных, даровитых людей.

Нѣкоторые романисты, изображая будущій «соціалистическій» строй, приписывают ему такой порядок: в интересах равенства тогда слишком красивым будут отрѣзать руку, а слишком талантливых стукать молотком по темени... но вѣдь подобное нам уже дал капиталистическій строй: рабочіе вынуждены изгонять из своей среды слишком способных.

Капиталистическій строй создает царство посредственностей и в этом его смертный приговор.

Помимо всего сказаннаго, мы имѣем факты, свидѣтельствующіе о том, что капиталистическій строй и без нападков на него социализма, начал разрушаться. Успѣхи, так называемаго, государственнаго (казеннаго) социализма, а особенно муниципальнаго шли перед войною очень сильным темпом, захватывая все новыя и новыя области хозяйства.

Война бурно усилила этот процесс. Примѣръ подала Германія, гдѣ еще в началѣ войны было обобществлено дѣло продовольствія (потребленія), а затѣм обобществле-

ніе коснулось и производства. Всѣ воюющія государства немедленно послѣдовали примѣру Германіи. Конечно, всѣ подобныя начинанія еще не есть социализм, по всей вѣроятности большинство из них с окончаніем войны будут упразднены, но часть несомнѣнно останется и этих позицій капитализм уже ни в какомъ случаѣ не получит обратно. А вѣдь важно было сдѣлать в области обобществленія почин, преодолѣть первый страх—в дальнѣйшем может оказаться, что такой порядок болѣе цѣлѣсообразен и общеплезен.

Если миниатюрныя, по нашимъ масштабамъ, наполеоновскія войны такъ нарушили производство и производственныя отношенія Европы, что она в теченіи тридцати лѣтъ не могла оправиться, то пертурбаціи, вызванныя настоящею войною будут неизмѣримо больше и глубже. Сам капитал (денежный) получивъ силою войны иное, новое распредѣленіе, ненормально сконцентрировавшись главнымъ образомъ в Америкѣ и Японіи, создастъ новыя условія между-народнаго рынка и значительно перемѣститъ пресловутые центры, очевидно, на востокъ. Кромѣ того цѣлый рядъ стран, в том числѣ и Россія, надолго будутъ экономически обезсилены и вышиблены изъ устойчиваго положенія, а тѣмъ самымъ опять будетъ нарушено единообразіе капиталистическаго строя, будутъ созданы новыя, намъ еще невѣдомыя, противорѣчія уже в международныхъ масштабахъ.

Насколько настоящая война не похожа на прошлыя, насколько она не имѣетъ прецедентовъ, показываетъ то ужасающее явленіе, которое мы видимъ в жизни Россіи: это возвратъ къ натуральному хозяйству, чего не давала ни одна война, ни одна революція в условіяхъ капиталистическаго строя.

В наши дни, когда событія еще мѣшаютъ оглянуть об-

щую картину разрушеній, совершенных катастрофическою войною, теперь близорукіе люди еще могут говорить о всяких реставраціях, но уже близок момент и перед нами будет такая картина. С одной стороны раздавленная, разграбленная Россія, вернувшаяся к натуральному хозяйству и богатая только дарами природы и рядом с нею запыхающіяся от избытков золота, безмѣрно развившія, благодаря военнымъ заказамъ, индустрію, сохранившія военную силу Америка и Японія. Можно реставрировать и царя и любую религію и старыи общественный строй, но что будутъ дѣлать они передъ лицомъ этой картины?

Война породила революцію, при чемъ русская революція была только первою, но и она уже перераспредѣлила богатства путемъ социализацій, націонализацій, муниципализацій и просто грабежей—и тѣмъ осложнила и запутала положеніе и возстановить былое въ прежнемъ видѣ уже невозможно, ибо уже не существуетъ того, къ чему можно бы было вернуться.

Капиталистическій строй послѣ войны и революціи, внѣ зависимости отъ чьихъ-либо желаній, долженъ по меньшей мѣрѣ реконструироваться.

Но и этого мало. У подшибленнаго богатыря-капитализма есть еще иной непримиримый врагъ, который не замедлитъ нападеніемъ—эта кооперація.

У насъ мало основаній, чтобы восторгаться коопераціей, вѣрнѣе будетъ сказать, тѣми формами, въ которыя вылилось кооперативное движеніе. Рецептъ нашей коопераціи очень не сложенъ: на два золотника коопераціи прибавить четыре пуда торгашества, тщательно перемѣшать и печь на подобіе блиновъ.

Если-бы какой-нибудь неліцепріятный политико-экономистъ вздумалъ найти точное опредѣленіе *нашей* современной коопераціи, то онъ, конечно, не могъ-бы дать ни-

какой иной формулы, кромѣ слѣдующей: современная кооперація это—обобщественное кулачество.

И в этом нѣтъ и тѣни осужденія коопераціи. Весьма возможно, а вѣроятно так оно и есть, что наша «кооперація» осуществляет свое провиденціальное назначеніе и, если она, скажем, чумазая, то это в силу ея функціональных свойств, и в настоящее время она не может быть иною, не чумазой: для исполненія работы Мавра требуется свое время.

Все вышесказанное нисколько не умаляет силы современной коопераціи и ея роли. Захвативши в свои руки около 70⁰/₀ всей торговли и, совершенно правильно, вставши на путь захвата фабричнаго производства и массовых заготовок, кооперація превратилась в крупную силу, а организовавшись во всероссійское объединеніе, она еще стократно увеличила свое могущество и теперь это достойный соперник богатырю-капитализму.

Главнѣйшее значеніе современной коопераціи заключается в том, что она служит подготовительной стадіей и дает наглядный урок того, что обобщественленіе не понижает трудолюбія работников.

Как бы ни закончилась и чѣм-бы ни увѣнчалась война, но если не будет использован урок, данный революціей, то Россіи предстоит еще одно испытаніе, вторично послѣ революціи в роли міровой лабораторіи, а именно: Россія будет ареною борьбы капитализма и коопераціи. Спасая свое положеніе, капитализм использует уроки коопераціи, он тоже организуется в мощныя объединенія—тресты, картели, синдикаты вѣроятно во всероссійском масштабѣ и тогда мір будет свидѣтелем борьбы двух титанов. Мелкій капитал всякаго рода при этом или волеется в тресты, или погибнет, попав между двух борющихся сил.

Если кого-либо интересует вопрос о побѣдителях, то отвѣтъ не представляет больших затрудненій. Побѣдителем будет тот, кого поддержит третья могучая сила: культура, а побѣжденным останется чумазый, кто-бы он ни был.

И так, дадут-ли нам монархисты выход из тупика? Конечно, нѣтъ! Ибо здѣсь полное отсутствіе творческих начал, отрицаніе прогресса, жизнь взапятки.

Царизм, попизм и капитализм умерли, осужденные тѣми порядками, которые они создали, и не оправданные собственною религіею.

III

СОЦІАЛИСТЫ.

Насколько проста задача критиковать изжившій себя и уже падшій монархизм, настолько-же трудна критика социализма, огражденнаго голгофою безчисленных жертв, возвеличеннаго упованіями страждущих и укрѣпленнаго преданностью великих людей—и все-же это нужно сдѣлать, ибо наше положеніе таково, что мы не можем остановиться ни перед какими святынями и запрещеніями. Нам необходимо найти нашу синюю птицу, социалисты говорят, что она в их распоряженіи—пусть они ее покажут и мы пойдем за ними.

Социализм, как и монархизм, распадается на нѣсколько толков, а тѣ, в свою очередь, подѣлились на секты и это обстоятельство уже внушает тревогу, ибо, еще раз, истина едина, а слѣдовательно, какіе то социалистическіе толки и секты, утверждая, что истина у них, говорят очевидную неправду.

Раньше можно было предполагать, что разница во взглядах социалистических сект не слишком велика, что у

них: есть нѣчто единое общее, что служит достаточно прочным цементом, но опыт наших дней показал, что подобное предположеніе чрезвычайно ошибочно. Соціалистическія секты настолько разнствуют, что идут друг против друга кровавою войною и мы каждый день читаем телеграфныя сводки о славных пораженіях, нанесенных „красным бандам“,—а давно ли Томь перестала выбрасывать соціалистов убитых этими красными?

Раз соціалист разстрѣливает соціалиста, то очевидно, что или один из них не соціалист, или они оба не соціалисты, или наконец, нѣтъ соціализма, как единого, что соціализм не объединяет людей, а разъединяет и при том до степени вооруженной борьбы.

Которое из этих предположеній правильно—можно установить, только хорошо разобравшись в тѣх домашних соціалистических дразгах, которые оказались вынесенными на широкую публику, но утверждать, что не всѣ соціалисты обладают истиной—можно: кровавая вражда соціалистов между собою дает на это право

Если взять соціализм как таковой, суммируя толкованія, взять его в эволюціи и на протяжении всего существованія,—то в нем проявится одна очень опредѣленная черта, это—отсутствіе положительности. Соціализм—одно сплошное отрицаніе. В соціализмѣ нѣтъ творческих начал; он не создает новых цѣнностей; он берет старый мір в цѣлом и путем внесенія поправок, путем отрицанія частных думает внести улучшенія. Соціализм напрасно получил особое имя, по существу его нужно было назвать *антикапитализм* и это названіе лучше-бы выражало его свойства и достояніе. Соціализм опредѣлился только противоположеніем.

В этом утвержденіи нѣтъ ничего еретическаго и даже с точки зрѣнія отцев соціализма. К. Маркс еще в 1891 г. писал:

— „Он (соціализм) не имѣет осуществить никаких идеалов (sie hat keine Ideale zu verwirklichen), он имѣет лишь освободить элементы новаго общества, которое уже развилось в нѣдрах рушащагося буржуазнаго общества“.⁴⁾

И с другой стороны Викт. Чернов находит:

— „Общественно-политическій идеал партіи, обладающей научно-революціонным міросозерцаніем, отнюдь не является претензіей на воплощеніе «абсолютнаго совершенства» в области политики. Напротив, это міросозерцаніе, по самому существу своему, есть отрицаніе всего абсолютнаго“...⁵⁾

Соціалистическая мораль, выраженная в заповѣдях, получила бы такой вид: не накопиай богатств; не эксплоатируй и т. д., но развѣ это не есть современный перевод с древнееврейскаго, уже извѣстных: не укради; не убій.

Человѣчество в своих культурных слоях очень давно пережило эпоху отрицательных заповѣдей, требующих наивно-мало: только не дѣлай дурнаго. Приходит к концу второе тысячелѣтіе, как человѣчество воспріяло нагорную проповѣдь положительных заповѣдей о блаженствах, но и эти заповѣди несовершенны, ибо за каждую добродѣтель обѣщают опредѣленной высоты оплату. Теперь наступило время: заповѣдь должна быть и положительной, и творческой, и с самодовлѣющим содержанием т. е. без наказаній и наград—такова, казалось-бы, должна быть дѣйствительно соціалистическая заповѣдь,—мы же видим, что соціализм довольствуется ветхозавѣтною моралью, правда в современной транскрипціи, но всетаки это немало выше готтентотской морали.

⁴⁾ „Der Bürgerkrieg in Frankreich“. 48.

⁵⁾ „Конечный идеал соціализма и повседневная борьба“. 1906. II.

Пріємля мір челоуѣческихъ взаимоотношеній такимъ, какъ онъ есть, требуя только перестановокъ в родѣ передачи орудій производства в другія руки, социализмъ желаетъ играть той же замусленой колодой картъ и требуетъ только новой перетасовки.

Будучи простымъ отрицаніемъ капитализма (антикапитализмомъ), социализмъ обреченъ раздѣлить его участь. Тѣнь, лежащая отъ столба, исчезаетъ одновременно с паденіемъ этого столба.

Уничтоженіе тезы лишаетъ право на существованіе антитезы.

Социализмъ, какъ и христіанство, ставитъ своей задачей уничтоженіе всего того, что в обыденіи называется зломъ, предполагая, что тѣмъ самымъ автоматически создается благо, но это большая ошибка и дѣлать нужно какъ разъ наоборотъ. В одной изъ легендъ, которыми такъ богата Сибирь, злые духи, увидѣвъ богатыря Сартактаю, выступившаго гонителемъ зла и на защиту угнетенныхъ, сказали:

—«Не страшенъ намъ гонитель зла... пока не пришелъ поборникъ добра».

И Сартактай позналъ это на горькомъ опытѣ. Только *творя* благо, челоуѣкъ вступитъ в дѣйствительную борьбу с недостатками и изъянами жизни.

Воспріав общечелоуѣческіе идеалы, социализмъ для достиженія ихъ поставилъ своей задачей борьбу, а не творчество, разрушеніе, а не зиждительство, и в силу этого пересталъ быть тѣмъ, чѣмъ долженъ былъ бы быть. Социалистическія программы отличаются отъ всѣхъ либеральныхъ не качественно, а количественно, если можно такъ выразиться.

Это самое обстоятельство и дало себя почувствовать в дни русской революціи, когда социализмъ такъ жестоко пострадал отъ великаго нашествія «мартовскихъ социалистовъ».

Будучи некультурным, а потому не умѣя ни чего творить, русскій обыватель был поставлен в необходимость как нибудь изжить революціонную корь; краем уха он слышал, что социалисты что-то наспровергают и разрушают; дѣло легкое и простое—и обыватель повалил в социалисты. Нашествіе обывателя было столь велико, что социализм дал сильный крен и весь ушел в «углубленіе революціи»,—термин, под которым социализированный обыватель разумѣл право на разрушеніе и грабеж.

Было-бы большою ошибкою думать, что обыватель, скомпрометировавшій социализм, уйдет так-же легко, как пришел. Масса отхлынет, но отдѣльные, наиболѣе цѣпкіе и хищные—их можно удалить, как наросты, только оперативным путем, многіе из них под социалистическим флагом прошли очень высоко: до членов временнаго правительства включительно. И до тѣх пор, пока социализм не освободится от этих прилипал, он не сумѣет и не сможет исправить гибельнаго крена, а это возможно в том *единственном* случаѣ, когда социализм от разрушенія перейдет к творческой дѣятельности, но есть основанія сомнѣваться в том, чтоб это когда-нибудь случилось.

От этих общих соображеній перейдем теперь к обзору отдѣльных социалистических толков и сект в отношеніи их претензій на обладаніе талисманом спасенія человѣчества.

Русскій социализм подраздѣляется на два толка: партія социал-демократов, которая еще так недавно именовалась *единая русскійская социал-демократическая рабочая партія* и партія социалистов-революціонеров. Толк социал-демократов дѣлится на двѣ секты: большевики и меньшевики; толк социалистов-революціонеров дѣлится тоже на двѣ секты: максималисты (они-же лѣвые есеры) и просто социалисты-революціонеры (они-же правые есеры).

В большинствѣ малограмотный русскій обыватель хотя и подает свой голос за ту или иную группу, но во всяком случаѣ очень далек от умѣнія безошибочно в них разбираться.

В условіях русской революціи произошло оригинальное явленіе, чреватое послѣдствіями для дальнѣйших судеб континентальнаго социализма,—сошлись крайнія секты двух разных толков и образовались два теченія: 1) большевики и максималисты, 2) меньшевики и правые есеры.

Регулированіем жизни эти два теченія, очевидно, и останутся в основѣ и всѣ социалисты будут дѣлиться просто на двѣ группы (без толков и сект), а именно: большевики и меньшевики. Пока этого еще не произошло, а потому приходится о каждом говорить особо.

Большевики и максималисты. Имѣть сужденіе о большевизмѣ у нас считается дѣлом очень простым: его нужно или нещадно ругать, или безмѣрно восхвалять. Столь же легко выявляются и фактическія отношенія к большевизму: один берет винтовку, чтоб истреблять большевиков, другой пользуется тѣм-же аргументом, чтоб защищать их.

Конечно, столь упрощенная логика и дѣйствія являются или чисто обывательскими, или онѣ подсказаны непосредственным чувством, но онѣ во всяком случаѣ совершенно негодны для объективнаго разрѣшенія вопроса по существу.

Большевизм существует, и этот факт трудно отрицать, а потому мы будем с ним считаться прежде всего и именно как с фактом, понять сущность котораго необходимо, чтоб установить отношенія и вытекающій из них образ дѣйствій.

Для того, чтоб уяснить себѣ, что такое большевизм нужно установить: есть-ли у него хоть какая-нибудь про-

грамма? Поскольку большевизм держался этой программой? Чѣмъ объясняется его тактика?

Тот или иной отвѣтъ на поставленные здѣсь вопросы даетъ матеріалъ для того, чтобъ понять и оцѣнить явленіе, причемъ пониманіе и оцѣнка будутъ свободны отъ балласта отношеній, продиктованныхъ чувствами.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему, совершенно необходимо установить, что большевизмъ отнюдь не является оригинальнымъ проявленіемъ *русской* жизни—онъ западно-европейскаго происхожденія и едва ли найдется такой тонкій знатокъ дѣла, который-бы сумѣлъ провести разграничительную линію между большевизмомъ и синдикализмомъ, особенно того итальянскаго толка, который возглавляетъ Лабріола.

Возвращаясь къ вопросу о программѣ, мы остановимся на официальном документѣ, а именно—большевистскій съѣздъ въ апрѣлѣ 1917 г. принялъ за свои программу и уставъ Россійской с.-д. рабочей партіи, принятые на второмъ съѣздѣ партіи 1903 г., с поправками, принятыми на объединительномъ съѣздѣ въ Стокгольмѣ в 1906 г.

Иными словами, программа большевиковъ ни на одну юту не отличается отъ программы меньшевиковъ, разница же между тѣми и другими заключается в том, что большевики сочли своевременнымъ приступить къ осуществленію программы-максимумъ теперь-же, а правые социалисты относятъ возможность осуществленія этой программы на неопредѣленное будущее. Вот и все.

Извѣстно, что общесоціалистическая программа-максимумъ состоитъ изъ двухъ пунктовъ:

- 1) Диктатура пролетаріата;
- 2) Соціализація орудій производства и земли:—„Отъбраніе всѣхъ машин, инструментовъ, фабрикъ, заводовъ, земель и всѣхъ вообще частныхъ предпріятій отъ ихъ владѣльцевъ—

фабрикантов, заводчиков, купцов и прочих и передача всѣх этих орудій производства и всѣх предприятий в общенародную собственность“.⁶⁾

Как извѣстно, эти положенія взяты из «Коммунистическаго манифеста», гдѣ говорится:

— «Первымъ этапомъ пролетарскаго преобразованія является конституированіе пролетаріата в господствующій класс, завоеваніе демократіей общественной власти.

Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ для того, чтобы постепенно вырвать изъ рукъ буржуазіи весь капитал, концентрировать всѣ средства производства в рукахъ государства, т. е. организованнаго в господствующій классъ пролетаріата, и возможно скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ.

Разумѣется, это не можетъ быть выполнено вначалѣ иначе, какъ путемъ деспотическихъ посягательствъ на права собственности и на буржуазныя производственныя отношенія».⁷⁾

Право-соціалистическая пресса обвиняетъ большевиковъ в томъ, что они извратили соціализмъ, что они дали пародію на него, что большевики не соціалисты, а просто проходимцы и продажные провокаторы, единственнымъ желаніемъ которыхъ было: захватить власть *в свои руки*, что большевики вмѣсто диктатуры пролетаріата дали диктатуру большевиковъ.

Подобное завѣреніе, подкрѣпленное пролитіемъ братской крови, обязываетъ насъ знать, чего-же требуютъ «настоящіе» соціалисты, какъ они предполагаютъ осуществить *диктатуру пролетаріата*.

⁶⁾ „Чего требуютъ соціалисты-революціонеры“. М. 1917. Стр. 8; и М. Минин. Чему учатъ соціалдемократы. СПб. 1906. Стр. 18.

⁷⁾ „Коммунистическій манифестъ“. Переводъ г. Плеханова. Стр. 110.

Обратимся к той партіи, из нѣдр которой родился большевизм. В брошюрѣ «Чему учат социалдемократы» глава „диктатура пролетаріата“ начинается такими словами:

— „Что-бы выполнить свою задачу, замѣнить капиталистическій строй социалистическим, *рабочая партія должна завоевать политическую власть*“ (стр. 25. Курсив подлинника).

И в другом мѣстѣ (стр. 20).

— „Только когда в государствѣ займут господствующее мѣсто представители рабочих, т. е. социалдемократы, только тогда оно перестанет быть капиталистическим“

Что-же оказывается? Мы видим, как диктатура *пролетаріата* подмѣняется диктатурою *рабочей партіи*, а затѣм просто диктатурою *социалдемократов*.

Слѣдовательно, большевики не сдѣлали отступленія от программы, они может быть только немного поторопились. Конечно, большевики, форсировавъ событія, очень обидели медленнопоспѣвающих меньшевиков, но нам мало дѣла до внутрипартійных размолвок, нам важно установить, что и меньшевики под диктатурою пролетаріата разумѣют диктатуру *своей партіи*. Для нас неожиданно открылись кулисы и мы увидали в исполненіи большевиков, то, что современным должны были исполнить, вѣроятно только с большим ансамблем, меньшевики.

Надо ли говорить, что эсэры, считающіе себя лучшими выразителями интересов демократіи, находят, что диктатуру пролетаріата достойнѣе всѣх выполняют именно они,

И так, большевики захватив в свои *руки* власть под флагом диктатуры пролетаріата, никого не обманули, ничего не извратили—они в точности выполнили первый пункт общесоциалистической программы и сдѣлали то это. точно слѣдуя меньшевистскому рецепту:

— «Только когда в государствѣ займут господствующее мѣсто представители рабочих, т. е. социалдемократы (здѣсь большевики внесли поправку и сказали: «т. е. совдепы»), только тогда оно перестанет быть капиталистическим».

Второе: *соціализація*—уже логически вытекает из первого, ибо диктатура пролетаріата, по смыслу общесоціалистической программы, только для того и вводится, чтоб при помощи ея осуществить социалистическій строй.

И здѣсь большевики не отступили от программы, наоборот проводили ее очень послѣдовательно.

Таким образом, мы получили отвѣты на вышепоставленные вопросы и теперь знаем, что 1) у большевиков есть программа—общая в основѣ со всѣми социалистами и меньшевистская в деталях; 2) эту программу большевики проводили строго и послѣдовательно.

Остается выяснить, чѣм объясняется тактика большевиков, почему она привела именно к тѣм, а не иным результатам?

На первом планѣ стоит вопрос внутренних междуособій: каким образом социалисты-большевики (и максималисты) и социалисты-меньшевики (и эсэры), имѣя единую, общую программу, оказались на положеніи войны и убивают друг друга? Кто из них отошел от программы? Оставляя пока в сторонѣ вопрос о причинах отступленія от программы, мы должны констатировать, что отступление сдѣлали меньшевики и правые эсэры.

Мы ушли-бы слишком далеко в сторону, еслиб стали разбираться здѣсь,—кто поступил правильно: большевики ли, идущіе по программѣ напролом, или меньшевики, которые, учтя положеніе, сочли необходимым временно по-

ступиться требованіями программы,—здѣсь важно было установить, что тактика большевиков продиктована программой, а тактика меньшевиков внѣшними, привходящими обстоятельствами и соображеніями.

Указаніе на то, что среди большевиков имѣются предатели и кѣм-либо подкупленные лица, оно нисколько не мѣняет положенія, ибо подкупленные лица, преслѣдуя чьи-то третьи и свои собственные интересы, в данном случаѣ не только не идут против программы, наоборот их заданія требуют возможно-непреклоннаго выполненія программы-максимум. И искренній большевик, и нѣмецкій провокатор, и политическій хулиган здѣсь дѣйствуют заодно, подобно тому как нерѣдко в парламентах голосуют за одно крайніе лѣвые и крайніе правые против центра, на программах групп подобный красно черный блок никак не отражается.

Представляя нѣчто абсолютно единое в смыслѣ конечных идеалов и программы, большевики и правые социалисты рѣшительно разошлись в тактикѣ и это случилось потому, что русская революція возникла и протекала в условіях войны. И на самом дѣлѣ главное, в чем обвиняют большевиков, это отказ от войны и заключеніе сепаратнаго мира с Германіей. Отсюда возникает необходимость попытаться выяснить: на чем большевики основали свое отношеніе к войнѣ и поскольку они отошли в этом отношеніи от социалистических принципов?

Ленин, Троцкій и другіе в рѣчах, посвященных войнѣ, усиленно подчеркивают, что большевистскій взгляд на войну единственно-социалистическій.

Если обратиться к „Эрфуртской программѣ“, то там находятся такіа строки:

— „Из династических—войны все больше становятся торговыми и, наконец, національными, которыя в послѣд-

нем. счетъ, так-же приходится свести к противоположности интересов между капиталистическими классами «отдѣльных націй». — (Стр. 55)..

— «Всемирная война была-бы в настоящее время гораздо опустошительнѣе, чѣм когда-либо. Война ведет к остановкѣ торговли, а эта остановка прекратила-бы в настоящее время так-же и производство и означала-бы остановку всей промышленной жизни и наступленіе такого экономического кризиса, который вызвал-бы не меньше бѣдствій и распространился бы гораздо шире, чѣм непосредственныя опустошенія, происходящія на театрѣ военных дѣйствій». (Стр. 47).

Ж. Жорес в его извѣстной рѣчи, которую Бюлов не позволил ему произнести в Берлинѣ, а потому напечатанной в «L'Humanité», сказал:

— «Из европейской войны может возникнуть революція, и дирижирующіе классы хорошо слѣдают, если серьезно подумают об этом; но слѣдствіями ея могут так-же явиться на очень продолжительное время контрреволюціонные кризисы, безумная реакція, отчаянный націонализм, душадшая все диктатура, чудовищный милитаризм и длинная цѣпь ретроградных насилій и низкой мести, репрессалій и порабоженій... Мы, социалисты, не боимся войны. Если война возникнет, мы сумѣем посмотреть событіям прямо в лицо, чтобы повернуть их, насколько хватит у нас сил, в пользу независимости націй, свободы народов и освобожденія пролетаріата.. Нѣтъ такого желѣзнаго закона войны, который не был бы сломлен натиском пролетаріата»⁸⁾.

Манифест Базельскаго конгресса социалистических партій, засѣдавшаго в ноябрѣ 1912 г., гласит:

⁸⁾ Ж. Жорес. Социализм и мир. Стр. 7—9.

— „Если угрожает взрыв войны, рабочий класс и его парламентское представительство во всѣх странах, которым угрожает война, обязаны, опираясь на объединяющую дѣятельность интернаціональнаго бюро, приложить всѣ мѣры, представляющіяся им наиболее дѣйствительными в зависимости от обостренія классовой борьбы и обостренія общаго политическаго положенія и имѣющія цѣлью предотвратить взрыв войны.

Если-же не смотря на то, война все-же разразится, долг рабочаго класса—выступить за ея скорѣйшее окончаніе и всѣми силами стремиться к тому, что-бы использовать порожденный войною экономическій и политическій кризис для возбужденія народа и тѣм самым для устранения капиталистическаго классоваго господства... Пусть не забывают правительства, что при современном состояніи Европы и настроеній пролетаріата они могли-бы начать войну не без опасности для самих себя... Было-бы безуміем, если-бы правительства оказались не в состояніи понять, что уже простая мысль о чудовищности міровой войны вызвала бы негодованіе и возмущеніе рабочаго класса*.

Циммервальдскій манифест (сентябрь 1915 г.) характеризует войну слѣдующим образом:

— «Правящія силы капиталистическаго общества, в руках которых покоились судьбы народов,—монархическія, равно как и республиканскія правительства, тайная дипломатія, могущественныя предпринимательскія организации, буржуазныя партіи, капиталистическая пресса, церковь—всѣ онѣ несут на себѣ всю тяжесть отвѣтственности за эту войну, которая возникла из питающаго их и ими охраняемаго общественнаго порядка и ведется в их интересах».

Вторая социалистическая цеммервальдская конференция в своем обращении: «К разоряемым и умерщвляемым народам» говорит:

— «Существует одно лишь единственное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и отмена капиталистической собственности рабочим классом... Пусть социалисты всех стран действуют, согласно постановлениям международных конгрессов, которые гласят, что обязанностью рабочего класса является употребить все усилия, чтобы положить скорейший конец войнѣ».

Цитаты слишком затянулись, но это было необходимо, и теперь читатель, который останавливал свое внимание на большевистской прессѣ и на выступлениях их ораторов, может документально убедиться, что большевики не только не вышли из круга мыслей и суждений, находящихся в цитированных документах, наоборот *они* замкнули этот круг.

Таким образом, и в своих отношениях к войнѣ большевики оказались строгими социалистами, гораздо больше выдержанными, чѣм их правые товарищи.

Остается последнее,—заключение большевиками сепаратнаго мира: «брестское позорище».

При внимательном чтении вышеприведенных цитат, уже становится ясным, что большевики, будучи строгими догматиками, не могли не прийти именно к такому финалу. Раз объявлена война войнѣ, то очевидно, нужно и действовать в точно-определенном направлении. Если продолжение войны угрожает судьбам пролетариата; если она грозит уничтожить результаты революции; если война, как страдал Жорес, не только приостановит всякое развитие, но и отбросит нас ко временам варварства—то никакой гнусный мир не будет слишком дорогим, или позорным.

Большевики ничего иного и сдѣлать, конечно, не могли. Справедливость требует отмѣтить здѣсь, что большевики в этом вопросѣ не оказались строго послѣдовательными и зафиксировали это в слѣдующем документѣ:

— «Конференція⁹⁾ протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партіи, именно будто мы сочувствуем сепаратному (отдѣльному) миру с Германіей. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, англійских, французских и пр., а императора Вильгельма таким-же коронованным разбойником, как Николая II и монархов англійскаго, итальянскаго и всѣх прочих».

Если-бы не было ничего удивительнаго в том, что большевики пришли к сознанію необходимости «паскуднаго мира» путем послѣдовательнаго хода мысли, то тѣм болѣе это понятно теперь, когда мы знаем, что большевики не пришли к брестскому миру, а были приведены ходом событий.

Существенно важно при этом не забывать, что появленію большевиков на аренѣ русской политической жизни, предшествовала пропаганда и дѣятельность правых социалистов, носивших названіе *пораженцев*, так что и здѣсь инициатива принадлежит не большевикам.

Подводя итоги всему сказанному о большевиках, можно сдѣлать единственный вывод, а именно: большевики не нарушили принципов и завѣтов социализма, они не отошли от его программы, их тактика логически вытекает из этой программы—большевики были и остались социалистами.

Если-же правые социалисты всетаки не признают за большевиками права именоваться социалистами и анафемат-

⁹⁾ Конференція большевиков, состоявшаяся в апрѣлѣ 1917 г.

ствуют их на всѣх конференціях, совѣщаніях и в прессѣ, то это продиктовано желаніем обратить большевизм в козла отпущенія, это не больше как наивная попытка спасти себя и свой „соціализм“, отказавшись от родства с большевиками. Плохо замаскированное предательство— оно никого не введет в заблужденіе и приговор остается в полной силѣ:

Крушеніе большевизма есть крушеніе соціализма, успѣх большевизма—успѣх соціализма.

И это положеніе нельзя ни на минуту забывать в поисках выхода из сумбура современной политической жизни.

Установив, что большевики—доподлинные соціалисты, а не просто искатели приключеній и наживы; выяснив, что программа-максимум, провести в жизнь которую пытались большевики, есть не больше, как выписка из «Коммунистическаго манифеста», мы тѣм самым вынуждены обратиться к первоисточникам большевизма:

Та картина строенія общества и характера общественных взаимоотношеній, над составленіем которой работали: Ибн-Калдун, Сен-Симон, О. Тьерри, Милье, Гизо, А. Каррель, А. Токвиль и др., картина законченная талантами Маркса и Энгельса, она безукоризненно правильна и вѣрна, но только... для своего времени.

Основное положеніе указанных философов заключается в слѣдующем: «в каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбежно обусловленное им строение общества составляет основу политической и умственной исторіи; что соотвѣтственно этому, вся исторія, с тѣх пор как разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовой борьбы».

Нѣтъ никаких основаній и причин оспаривать и это положеніе, поскольку рѣчь идет о прошлом; важно оста-

новиться на тѣх выводах, которые отсюда могут быть сдѣланы, и прежде всего: можно-ли постулировать отсюда диктатуру пролетаріата?

Для того, чтобы упростить вопрос, возьмем социалистическую концепцію, обнажим ее до степени схемы—и тогда пред нами окажется слѣдующее логическое построение:

1. Современное капиталистическое общество дѣлится на классы (антагонистическіе).

2. Там, гдѣ существуют классы, неизбежна классовая борьба.

3. Борьба ведется с цѣлью достичь побѣды и господства.

4. Побѣда достигается только силою и насиліем.

5. Господствующим является тот класс, которому принадлежит диктатура.

6. Пролетаріат, как класс угнетаемых, болѣе чѣм какой-либо иной класс способен стремиться к справедливому устройству общества.

7. Слѣдовательно, справедливый общественной строй может быть достигнут только через диктатуру пролетаріата.

Получается стройно, красиво и убѣдительно, но при одном непремѣнном условіи, касающемся пункта перваго: если признать, что дѣленіе общества на классы и классовая борьба абсолютно неустраимы. При этом условіи приемлемо и все остальное.

Но ни сам Маркс, ни его предшественники, установивъ значеніе производственных отношеній и борьбы классов, никогда не признавали за ними силы постоянно-дѣйствующих и неизмѣнных законов. Напротив, в «Коммунистическом манифестѣ» (стр. 105) мы читаем:

«Возводя в вѣчные законы природы и разума общественныя отношенія, порожденныя вашим способом производства,—преходящія общественныя отношенія, кото-

рыя создаются и уничтожаются развитіем производства, вы обнаруживаете пристрастіе, общее всѣм классам, которые когда-то господствовали, а теперь исчезли».—

Мы, пережившіе всемірную войну и русскую революцію, поставлены уже в иные условія, чѣм социалисты второй половины прошлаго вѣка, и с гораздо большими основаніями можем усомниться в незыблемости „закона“.

Произошли такія трансформациі в общественных группировках, в психологійи человѣчества и в его міровоззрѣніях, которых и предвидѣть не могли основатели социализма; открылись новыя возможности и перспективы в области социальнаго зиждительства. Война и революція сумбурно нарушили стройность и послѣдовательность эволюціи общественных отношеній, а тѣм самым и социалистическую концепцію—и наши производственныя отношенія могут быть в корнѣ измѣнены и без диктатуры пролетаріата. Событія опередили идеи.

Но этого мало. Выше мы уже видѣли, что социалисты истолковали, или раз-яснили «Коммунистическій манифест» и *пролетаріат* подмѣнили сперва «представителями рабочих», а потом и просто социалдемократами.

Конечно, подобныя подтасовки не дѣлаются без большой необходимости и столь рискованный шаг со стороны социалистов объясняется двумя причинами. Во первых: желаніем сохранить за собою руководство и выгодное положеніе, а во вторых: сознаніем, что пролетаріат сам по себѣ, без указки, не сумѣет исполнить возложенной на него задачи: осчастливить человѣчество новым строем.

Опыт русской революціи, разбившей много иллюзіи, с очевидностью показал, что ранніе социалисты непомѣрно преувеличили роль и значеніе пролетаріата в дѣлѣ общественнаго строительства. Оказалось, что состоятъ проле-

таріем, то есть продавать свой грудъ, не имѣть собственности и терпѣть несправедливости и лишения—этого еще слишкомъ мало, чтобъ умѣть осуществлять реформы, а тѣмъ болѣе перестраивать структуру всего общества. Кстати будетъ отмѣтить, что на это указал Корбон, бывший рабочій, а впослѣдствій сенатор, еще в 1865 г. когда онъ выпустилъ книгу: „Секретъ Парижскаго народа“. Русская революція не дала ни одного проявленія дѣятельности пролетаріата какъ таковаго—всегда и неизмѣнно от имени пролетаріата говорила и дѣйствовала либо та или иная партія, либо группа, комитет, совѣтъ, в которыхъ не было пролетаріевъ. Признаніе недѣеспособности пролетаріата было-бы крушеніемъ всей теоріи, крушеніемъ социализма, и вотъ социалисты поступили подобно древнимъ авгурамъ: они скрыли за занавѣсъ безпомощнаго идола и объявили себя «представителями» и „исполнителями воли“.

Грозою русской революціи занавѣсъ разодранъ и мы увидѣли, наконецъ, того, кто долженъ уничтожить несправедный строй.

Здѣсь можно встрѣтить возраженіе, могутъ сказать, что русскій пролетаріатъ наиболѣе отсталый и несознательный, потому его дѣйствія и выступленія не могутъ служить матеріаломъ для сужденій о пролетаріатѣ вообще.

Это возраженіе слышится очень часто, особенно среди разочарованныхъ социалистовъ, но достаточно вспомнить ту литературу, которую породилъ споръ синдикалистовъ и реформистовъ в Зап. Европѣ, чтобъ возраженіе отпало само собою.

Тамъ создалось слѣдующее безвыходное положеніе. Разрушить капитализмъ и ввести социалистическій строй можетъ только пролетаріатъ; пролетаріатъ можетъ сдѣлать это только в томъ случаѣ, когда онъ сумѣетъ понять истинную разницу между капитализмомъ и социализмомъ,—но проле;

таріат настолько матеріально необезпечен, что в. цѣлом лишен возможности получить знанія, необходимыя для усвоенія философіи исторіи. Отдѣльные же пролетаріи, получив знанія, неизбежно переходят на положеніе виѣ-классовых интеллигентов и полуинтеллигентов, а «интеллигенція... не пролетаріат,—говорит Лягорделль,—она просто отбросы современнаго общества, а не залог будущаго»¹⁰).

Заколдованный круг: пролетаріат, оставаясь пролетаріатом, лишен возможности получить тѣ условія, в которых он только и может исполнить свою миссію.

Таким образом, русскій пролетаріат, не составляет исключенія и мы осуждены на то, что никогда, или безконечно долго не увидим пролетаріат на другом уровнѣ культурнаго развитія.

Это подтверждается и „Эрфуртскою программю“, которая, установив, что пролетаріат может идти только одним путем, путем классовой борьбы, одновременно утверждает (стр. 146):

„Экономическое положеніе пролетаріата в общем и цѣлом улучшается, благодаря классовой борьбѣ и ея завоеваніям, лишь слабо и медленно, если только вообще улучшается... Поэтому результатом классовой борьбы может быть только увеличеніе в пролетаріатѣ недовольства своей долей“.—

Итак пролетаріат, как таковой, и сам по себѣ, при настоящем его культурном уровнѣ, не в состояніи дать нам выход из положенія, не говоря уже о перемѣнах общественнаго строя.

Русская революція показала на опыть недѣеспособность пролетаріата, а большевики, дав вмѣсто диктатуры пролетаріата диктатуру «представителей» пролетаріата, оконча-

¹⁰) Г. Лягорделль. Революціонный синдикализм. Стр. 20.

тельно дискредитировали основу революціоннаго социализма.

Здѣсь будетъ умѣстно отмѣтить, что пресловутые «совдепы» войдутъ в исторію, какъ фактъ чрезвычайной важности, а именно какъ предтеча *демократическаго цезаризма*. Большевицкая пресса не раз указывала на то, что возможность единоличной социалистской диктатуры не только не исключается, но и весьма возможна. И это такъ естественно. Убѣдившись в том, что пролетаріатъ не можетъ за неспособностью исполнить то, чего от него ожидали социалисты; вставши на путь введенія реформ сверху и принудительно, большевики создали самодержавные «совдепы»¹¹⁾. Неминуемый провал разношерстных и разногласных совдепов привелъ к мысли о единоличной диктатурѣ, а отсюда уже логически слѣдуетъ шагъ к тому монарху-социалисту, о котором такъ страстно мечталъ Карлейль. Оставаясь на своихъ позиціях, большевики обречены стать цезаристами: царь-социалист, безъ престолонаслѣдія, для нихъ не только не исключается, но и весьма возможен.

Марксисты утверждаютъ, что «идеи—продуктъ производственныхъ отношеній и среды». Должно быть, это правда. Очевидно, только потому, что пролетаріатъ и его «представители» живутъ в буржуазныхъ условіяхъ и средѣ, они и не могли додуматься ни до чего иного, какъ наибуржуазная *диктатура*. Социалисты еще слишкомъ заражены «буржуазными предразсудками», они стоятъ настолько не выше своего времени, что не могутъ представить иныхъ способовъ водворенія истины, кромѣ какъ насиліемъ. А всякая диктатура, будетъ-ли она принадлежать лицу, партіи, или классу

¹¹⁾ «Совдепы» не являются специфически большевицкимъ нововведеніемъ и еще меньше того—отступленіемъ отъ социалистическихъ началъ. Совдепы это то, что французскіе синдикалисты провозгласили новымъ политическимъ принципомъ:—«управленіе рабочаго класса посредствомъ ассоціацій изъ селекціонированныхъ рабочихъ».

безразлично, есть экстракт насилия и безправия, а потому величайшая гнусность: средство, неоправдываемое никакою, хотя-бы и самою благою цѣлью.

Раз диктатура пролетаріата неосуществима, а диктатура подставных лиц, или учреждений, исполняющих обязанности пролетаріата, неприемлема—то отпадает необходимость останавливаться на втором пунктѣ программы на *соціализации*, ибо она, по утверждению самих социалистов, может быть осуществлена только через диктатуру пролетаріата.

Социализм, в лицѣ большевизма, потерпѣл крушеніе. Но крушеніе социализма, как и христіанства не есть крушеніе тѣх цѣлей, к которым они стремились. Нѣтъ! Человѣчество только еще раз ошиблось в путях, ведущих къ этим цѣлям.

Меньшевики и правые есеры. По существу говоря, того, что сказано в пред-идущем отдѣлѣ, было-бы совершенно достаточно, но во первых большевики, убѣдившись на опытѣ, что в настоящее время провести в жизнь программу-максимум невозможно, они естественно перейдут к программѣ-минимум, то есть превратятся в меньшевиков; а во вторых меньшевики и правые есеры утверждают, что именно они, а не большевики, являются истинными представителями социализма; и, наконец, в третьих, дальнѣйшій обзор даст нам чрезвычайно интересную и поучительную картину постепеннаго умирания социализма, которая прошла перед глазами наших современников. Она очень поучительна.

Меньшевики и правые есеры диктатуру пролетаріата и социализацию отодвигают в неопредѣленное будущее, к тому времени, когда пролетаріат будет достаточно подготовлен к осуществленію своей миссии. *

Кто будет экспертировать степень подготовленности и при помощи какого мѣрила—совершенно неизвѣстно, и это обстоятельство приводит к тому, что захолустные минусинскіе социалисты убѣждают робкаго обывателя не бояться программы-максимум, «потому что до ея осуществленія и внуки ваши не доживут».

Еще не очень давно Г. Плеханов зло вышучивал меньшевиков и называл их «салонными социалистами», а в своем предисловіи ко второму изданію «Коммунистическаго манифеста» стр. 72 он пишет:

— «Во второй половинѣ 80-х годов у нас появился особый вид „соціалиста“, главная и, можно сказать, мучительная забота котораго заключалась в том, чтобы не испугать либерала. Призрак испуганнаго либерала до такой степени пугал социалистов этого вида, что вносил несказанную путаницу во всѣ их теоретическія и практическія разсужденія».

Может быть, меньшевики и правые есеры и на самом дѣлѣ искренне вѣрят в то, что диктатура пролетаріата совпадет по времени со вторым пришествіем; может быть прав Плеханов—и меньшевики дѣйствительно боятся шокировать буржуазію „товарищеским“ поведеніем, но так или иначе они попали в положеніе до послѣдней степени безвыходное. Имѣя одну с большевиками программу, принципиальная часть которой обязывает добиваться диктатуры пролетаріата и социализации, правые социалисты в то-же время с оружіем в руках идут против большевиков и убивают их за то, что тѣ, тоже с оружіем, осуществляют диктатуру и социализацию.

В чем-же дѣло? Может быть, правые социалисты отказались уже от программы-максимум?

Нѣтъ. Вот правый есер В. Чернов, он пишет:

„Никакими исключительными обстоятельствами не может быть оправдано даже самомалѣйшее урѣзываніе принципиальной части программы“¹²⁾.

И это совершенно резонно, ибо отказавшись от программы-максимум, социалисты перестают быть социалистами и превращаются в простых либералов.

Может быть, правые социалисты недовольны тѣм, что власть досталась не им, а большевикам?

Но это слишком недостаточный повод, чтобы проливать братскую кровь и рисковать социализмом.

Попытаемся обратиться к позднѣйшей литературѣ самих правых социалистов. Вот меньшевик А. Богданов, он уже в 1917 г. говорит:

— „Когда будут на лицо хозяйственныя условія для социализма и когда пролетаріат, революціонно достигнув полной побѣды и власти, возьмет на себя задачу социальнаго строительства, тогда все человѣчество вступит в тот вѣкъ истиннаго равенства, братства и свободы, о котором давно мечтает“¹³⁾.

На первый взгляд в этой цитатѣ все обстоит благополучно и осуществленіе земного рая, как и слѣдует тому быть, обусловлено „революціонно-достигнутой“ диктатурой пролетаріата, но есть и маленькая деталь, обособляющая автора цитаты, деталь, которой нѣтъ ни в „Коммунистическом манифестѣ“, ни в „Эрфуртской программѣ“, ни в программѣ русской социал-демократіи, а именно: „когда будут на лицо *хозяйственныя условія* для социализма“.

Здѣсь мы находим новое, добавочное условіе для осуществленія программы-максимум.

¹²⁾ В. Чернов. Гонимый идеал социализма. Стр. 10.

¹³⁾ А. Богданов. Что такое социализм? Петр. 1917. Стр. 24.

Но что-же это такое: „хозяйственные условия для социализма“? А затѣм, кто и как будет устанавливать их наличность, или отсутствіе?

Допустим даже, что суть этого условия понятна, но во всяком случаѣ спор о наличности хозяйственных условий разрѣшается не штыками и пулеметами, и здѣсь нѣтъ достаточных оснований для социалистическаго взаимострѣбленія.

И, наконец, обратимся к нашим дням. На третьем засѣданіи Сибирской Областной Думы 17-го августа 1918 г. представители социалистических партій высказали свое сужденіе о диктатурѣ. Они говорили о диктатурѣ вообще и, очевидно совершенно позабыв о диктатурѣ пролетаріата, обнаружили здравыя мысли:

— „Есть,—говорил представитель есеров,—глупые люди, полагающіе, что лучшей формой управленія была-бы диктатура. Люди, думающіе так, это невѣжественные, отсталые люди, далекіе от чувства любви к родинѣ“¹⁴⁾.

Оратору непременно слѣдовало к этому прибавить:— А потому долой программу-максимум.

Ибо в противном случаѣ партіи есеров публично выдавался аттестат глупости, невѣждества и отсталости. Но оратор воздержался от добавленій.

На этом слѣдует прекратить дальнѣйшія поиски причин трагическаго положенія, в которое себя поставили правые социалисты.

Надо признать, что социализм, подобно христіанству, выродился к нашим дням и вступил в ту стадію, когда для поддержанія падающаго престижа начинают сжигать еретиков. Энгельс был глубоко прав, когда утверждал, что в исторіи христіанства и социализма много общаго,

¹⁴⁾ Газета „Голос Народа“ № 68. 1918 г.

Тѣм обстоятельством, что программа-максимум была отложена в дальній ящик, правые социалисты не только вошли в конфликт с лѣвыми, но и открыли свои позиціи для обстрѣла с другого фронта и здѣсь скучно повторяют западно-европейскую исторію.

Клемансо в своих статьях эхидно спрашивал Жореса: какая-же теперь разница между социалистами и радикалами? И Жорес вынужден был признать, что программа радикалов теперь тождественна с программой-минимум социалистов.

Наши кадеты имѣют много оснований послѣдовать примѣру Клемансо.

И, опять таки, то-же самое обстоятельство привело к тому, что правые социалисты никак не могут ориентироваться. Дѣло в том, что программа-минимум уже *исчерпана* и проведена или безпрепятственно проводится в жизнь, теперь остается только *охранять* эти «завоеванія революціи». Слѣдовательно, отнынѣ социалистическія партіи превратились из революціонных в охранительныя (*консервативныя*), а тѣ, что раньше, при царях, были консервативными — онѣ теперь стали революціонными, ибо стремятся ниспровергнуть существующій строй. Теперь будет правильнѣе называть не социалист-революціонер, а *социал-консерватор*, и не монархист-консерватор, а *монархист-революціонер*.

Близорукіе социалисты не замѣчают этой метаморфозы политических ролей и стали похожи на курицу, которая поет пѣтухом.

И, наконец, при настоящих условіях, сами девизы партій стали фальшивыми. Каким образом могут меньшевики, с оружіем выступая против большевиков, призывать: „*пролетаріи всѣх стран соединяйтесь*“? Кто повѣрит в искренность людей, говорящих о единеніи пролетаріата,

в то время когда на иркутском фронтѣ пролетарій-чех разможил голову пролетарію-венгру, а на челябинском пролетарій-русскій душит пролетарія-нѣмца; или наоборот.

И другой девиз: *«в борьбѣ обрѣтешь ты право свое»*. Крича на всѣх перекрестках о необходимости «единого фронта», распинаясь за „коалиціонную“ власть, очень странно призывать к борьбѣ. Для есеров лучше было бы написать на своих знаменах, если эта мишура еще не надоѣла: *«в единеніи обрѣтешь ты право свое»*.

Начало же всѣх этих злоключеній в том, что люди, излишне довѣрились нѣмецким астрологам, предсказавшим пришествіе новаго мессіи—рабочаго класса, которому „предстоит сыграть в исторіи громадную роль, роль освободителя человѣчества“¹⁵⁾. При всѣм своем „материалистическом“ пониманіи исторіи, меньшевики всетаки впадают в самое примитивное мессіанство и их пророк (правда, коллективный) такой-же, как и у иных мессіанцев: ему же царство и слава и... ключи от царствія небеснаго,—и спасены будут только тѣ, кто в него увѣрует.

Правда, этот мессія самостоятельно выступать не будет, он сядет во святилищѣ за занавѣс, а с нами будет сноситься его адвокат, ибо „это великое дѣло (обобществленіе средств производства) и предстоит совершить рабочим под руководством социал-демократіи“¹⁶⁾.

Человѣчество впервые увидит спасителя своего и освободителя, грядущаго со славою и... под руководством партійнаго исполкома.

Раз классовая борьба неизбежна, то „рабочая“ партія обрѣчена на роль вѣчной оппозиціи, она не может, напримѣр, участвовать в составѣ правительства, ибо это обусловлено соглашеніем с буржуазными партіями, но

¹⁵⁾ «Чему учат социал-демократы», Стр. 28.

¹⁶⁾ Там-же. Стр. 18.

раз программа-минимум осуществлена, то меньшевики обязаны войти в состав правительства, чтоб охранять завоеванія революціи.

И меньшевики еще раз совершают слѣдующее, логически уже неизбежное паденіе: они, с наивною хитростью, посылают своих людей в правительственныя учрежденія или «с цѣлью информации», или „на неотвѣтственныя роли“: точь-вточь как старовѣр, который пьет запретную водку, если ему ее плеснут в его собственную чашку.

С таким багажем можно исполнять роль статистов в революціи, но нельзя установить истины, а слѣдовательно невозможно и общественное строительство, чѣм только и живы партіи.

Проникшись обожаніем собственнаго вымысла, социал-демократія теряет чувство всякой мѣры и впадает и в ханжество и в крайнюю демагогію.

„Социал-демократія выясняет рабочим, что борясь за свои интересы, рабочая партія тѣм самым борется за интересы *всѣх*, за общее освобожденіе человѣка от экономического гнета“¹⁷⁾.

Этот фразу рабочіе неприкрыто провоцируются. И потом кто-же не знает, что «интересы» рабочих при современных условіях строенія общества отнюдь не тождественны с интересами *всѣх*. Опыт наших дней показал это с совершенною очевидностью. Соціалистическая газета „Голос Народа“ сообщила нам, что рабочіе судженских копей до такой степени взвинтили свои ставки, что нѣкоторые рабочіе получают по сто рублей в день (восьмичасовой). При двадцати рабочих днях в мѣсяц, это составит министерскій оклад в 24 тысячи рублей в год. Естественно, что уголь, при таких ставках, выровнялся в цѣнѣ с са-

¹⁷⁾ Там-же Стр. 27. (Курсив наш.)

харом. Как можно работать на таком углѣ? Может-ли развиваться отечественная промышленность? Может-ли она конкурировать с нѣмецкой? Совпадают-ли интересы рабочих в данном случаѣ (а таких примѣров тысячи) с интересами *всѣх*? Конечно, нѣтъ! и ни в какой мѣрѣ, тѣм болѣе, что борьба классов за свои интересы внутри государства не свободна от давленія извнѣ, ибо цѣны на товары регулируются мiровым рынком.

Но здѣсь необходимо устранить одну, очень вредную для дѣла, неточность выраженія. Если вы переберете сотни произведеній социалистической литературы и вдумаетесь в тѣ мѣста, гдѣ говорится о классовых и партійных *интересах*, то вы увидите, что слово «интересы» употребляется неправильно, что есть другое русское слово, которое лучше выражает трактуемую мысль, это слово: *выгоды*.

Огромныя ставки, маленькій рабочий день, страхованіе за счет предпринимателя и т. д. все это простыя *выгоды* для рабочих, как обратное будет выгодно предпринимателя.

Читатель понимает, что это не пустая придирка к неправильному употребленію слова, что замѣна одного слова другим здѣсь играет огромную роль: иныя свѣтотѣни ложатся на основанія классовой борьбы, в ином свѣтѣ выступает социалистическій идеал, намѣчаются иныя отношенія к борющимся. Едва-ли найдется чрезмѣрно-много желающих помогать той организаціи, которая в основу всего ставит только *свои выгоды*.

В условіях современности и личность и организація стараются попасть в *выгодное* положеніе, но в этом есть что-то отвратительное, звѣриное, — а путь в царство справедливости едва-ли пролегает по звѣриным тропам.

Вот извѣстный нѣмецкій социал-демократ. Он доказывает, что интеллигенція никоим образом не может вой-

ти в лоно социал-демократической церкви, ибо она не имѣет общих классовых *интересов*. Посмотрите, о каких «интересах» говорит он. Посмотрите, сколько здѣсь звѣринаго.

— „Какое основаніе имѣет какое-нибудь свѣтило искусства интересоваться тѣм, чтобы его неизвѣстные товарищи получали хорошую плату за свои произведенія? Какая общность интересов существует у главнаго редактора всемірно-извѣстной газеты с репортером? Какое дѣло до положенія сельских врачей профессору медицинскаго факультета, міровой знаменитости, получающему княжескіе доходы“¹⁸⁾.

Если движущею силою в современном обществѣ является классовая борьба, а стимулом этой борьбы служит *выгода*, то одинаково зазорно состоять идеологом какой-либо стороны, но это не для всѣх социалистов понятно. Послушайте, что говорит социалист Лафарг:

— «Если бы интеллигенты понимали свои собственные интересы, они массами примыкали-бы к социализму и дѣлали бы это не из челоуѣколюбія, не из жалости к страданіям рабочих, не из безкорыстной любви, а просто для того, чтобы обезпечить участь своих жен и дѣтей»¹⁹⁾.

От этой цитаты слишком разит чадом обильной кухни. Интеллигенція не может смѣшать социальное благополучіе с социальной справедливостью, а потому и предоставляет социалистам заниматься обезпечиваніем участи их жен и дѣтей, Всякому свое.

Внушая массам, что избавленіе от неправд нашей жизни возможно только в очень отдаленном будущем, пра-

¹⁸⁾ К. Каутскій. Интеллигенція и социал-демократія. СПб. 1906. стр. 17.

¹⁹⁾ П. Лафарг. Социализм и интеллигенція. Стр. 28.

вые социалисты служат реакціи, примиряют людей с их положеніем, закрывают возможности искать выход, санкционируют существующіе порядки, т. е. продѣлывают тоже самое, что в свое время сдѣлало христіанство в его кривотолках. Христіанство надолго затормозило прогресс, признав существующія несовершенства жизни неустранимыми и приглашая утѣшиться вѣрою в радости далекаго царствія небеснаго; правые социалисты, вмѣсто царствія небеснаго, утѣшают нас царствіем пролетарским.

«Только рабочій класс может быть избавителем человечества»... Но возьмем наш конкретный случай: кто избавит погибающую Россію? Рабочій класс?!

Поголовно некультурный, в большинствѣ малограмотный, опившіися самогонки, изрыгающій, безо всякаго повода, гнуснѣйшія ругательства—это он избавит Россію? Он, который в настоящее время, благодаря высоким ставкам, фактически живет за счет умирающаго от истощенія государства? Он, который, по свидѣтельству профессиональных журналов, „до самозабвенія увлекается спекуляціей“? Этот ли рабочій класс будет спасать Россію?

Можно-бы было наговорить еще очень много горьких слов, но уже извѣстно, что рабочій класс совершит великое дѣло «под руководством социал-демократіи», т. е. меньшевиков. Это к руководителям нужно обратиться и спросить:

— Как-же вы думаете осуществить дѣло спасенія, если не всего человечества, то хотя-бы Россіи?

Просмотрѣвши меньшевистскую прессу и прочитав сотни три передовиц и «руководящих» статей, мы получим такой отвѣт:

От Германіи нас избавит революція в Германіи; союзники, не рискуя подрагаться из-за Россіи, не станут ее дѣ-

лить, в частности Америка не позволит Японіи захватить Сибирь, а разбить большевиков тоже союзники помогут.

Сколько в этих рацеях непроходимаго филистерства, а главное все построено на помощи, или интересах третьих лиц, Россіи не существует, ея гражданам роли нѣтъ. Дошли до положенія китайских дипломатов времени упадка, которые всѣ свои планы базировали на недоразумѣніях между доблестными союзниками.

Ну, а если, вопреки нашим ожиданіям, революція в Германіи будет большевистской? Если союзники сумѣют столкнуться, как сталкивались они при дѣлежѣ Китая—тогда что?

Умолчаніе о роли самой Россіи, или ея народов, чрезвычайно знаменательно для правых социалистов: здѣсь сквозит признаніе, что руководители не имѣют кѣм руководить, что пастыри социалистическіе, подобно христіанским, остались без стада.

Но удивительнѣе всего, близорукая увѣренность в том, что в борьбѣ с большевиками правые социалисты получат помощь от союзников. Как будто союзники настолько недалъновидные люди, что станут хоть чѣм-либо жертвовать во имя россійской междупартійной борьбы. В пылу чисто-партійной борьбы за власть, забыт при этом историческій опыт, который сотнями примѣров свидѣтельствуется, что вовлеченіе иностранцев во внутреннюю борьбу пагубно для государства, оно отдает государство в руки чужих людей, всегда корыстных, оно нерѣдко подливает масла в огонь уже потухающей борьбы и, во всяком случаѣ, непроизводительно увеличивает государственный долг, расплачиваться за который придется народу.

Втянуть иностранцев во внутреннюю борьбу—это преступленіе перед родиной, русскіе социалисты совершили это преступленіе.

В междоусобной войнѣ, как побѣда одной стороны, так и поражение другой оплачиваются из одного и того же сундука, а потому здѣсь самый плохой, самый „наскудный“ мир безконечно лучше самых блестящих побѣд и это особенно в том случаѣ, когда широкія массы не принимают участія в борьбѣ.

В послѣднее время, когда усиленно зашевелилась реакціонная часть общества, и в рѣчах публичных ораторов и в социалистической прессѣ очень часто повторяется фраза, ставшая жупельной: охраняйте завоеванія революціи.

При этом каждому предоставляется вкладывать в эту фразу, желательный ему смысл и содержаніе—и на этой почвѣ происходят дѣянія, безнадежно компрометирующія социализм. Если чиновник сократил свой рабочій день, кромѣ того пользуется „казенным“ временем, чтобы просмотрѣть газету, поговорить о политических новостях, позавтракать, а остальное время работает спустя рукава—то спрашивается у кого он «завоевал» право поступать так? Очевидно, у государства, от котораго получает жалованіе. А государство свои средства собирает с мужика, —слѣдовательно чиновник свое право плохо и мало работать «завоевал» у мужика: чиновник лодырничает за счет мужика.

Говорят, что русскій мужик привык платить, но очень сомнительно, чтоб мужик сохранил спокойствіе в тот момент, когда он узнает, что одно из завоеваній революціи оплачивается из его кармана, и социализм при этом он вѣроятно не похвалит,

И еще: болѣе разительный примѣр.

Русскій пролетарій завоевав восьмичасовой рабочій день, а не рѣдко и 44 ч. в недѣлѣ и отпуска, он сверх того

сохранил весь цикл средневековых церковных праздников, а их у нас так много. За границу празднуют только воскресные дни, а у нас и срътеніе, и преображеніе, и усъкновеніе главы Предтечи и николин день, и смерть Бгородицы и много других.

И даже сами социалистическія газеты не выходят по случаю таких *праздников*, очевидно, из уваженія к товарищам наборщикам, желающим сходить к обѣднѣ или исповѣдаться. Какая неожиданная смѣсь клерикализма с социализмом!

И много их—„завоеваній революціи“—и таких отвратительных, как эти два, и других—хороших. И вот социалистическія партіи (меньшевики и есеры), надрываясь в криках о необходимости охраны завоеваній революціи, онѣ непонятным образом забывают призвать всѣх: имѣть настолько гражданственности, что-бы не пользоваться никакими завоеваніями революціи в столь трудную для Россіи пору; онѣ забывают гнѣвно обрушиться на тѣх недобросовѣстных людей, которые под флагом „завоеваній революціи“ устраивают свое мѣшанское благополучіе, паразитируя за счет народа. И их молчаніе в этом отношеніи—преступно.

К разряду тѣх-же, что и „завоеваній революціи“, жуцелов принадлежат еще нѣкоторые. Так напримѣр, со времени изгнанія большевиков в социалистических устах очень часто слышно слова: *народовластіе* и *народоправство*. Вот одно из наихудших изобрѣтеній человеческого языка: полныя обмана и провокаціи—слова, своего рода фальшивая монѣта.

Народовластіе? Это такое положеніе, когда власть принадлежит всему народу, когда законы издает сам народ.

Но кто-же из нас не знает, что такого народовластія никогда не существовало, нигдѣ нѣтъ, да и быть не может. Народовластіе, если принимать его за чистую монету, возможно только в небольших общинах, вродѣ деревенских, управляющихся сходом. В больших общинах (городских) и государствах весь народ не может непосредственно властвовать, хотя-бы просто по техническим причинам, и там народ *передовѣряет* власть, избрав для осуществленія власти или одного — царя, или нѣскольких — депутатов (членов думы) — и в том и в другом случаѣ народовластіе исчезает, а остается либо царевластіе, либо депутатовастіе. Может быть найдутся такіе люди, которые находят, что депутатовастіе и есть народовластіе, — если такіе люди найдутся, то они или сознательно допускают ложь, или это недалекіе люди, не замѣчающіе, что они страдают политическим дальтонизмом.

Безотносительно к принадлежности к партіи, уважающей себя человек никогда не допустит легкомысленнаго обращенія с двусмысленным словом, а тѣм болѣе при обращеніи к малограмотной массѣ.

Крестьянин, да нерѣдко и рабочій, слово „народовластіе“ понимает буквально и не мыслит за ним представительство, а отсюда такія рѣчи:

— „Таперича власть наша, народная, значит — как пожелаем, так оно и быть должно и ни к чему таперича разныя там земства, училищкі, да докторишкі; конец всѣм энтим буржуазам: довольно попили нашей кровушки“.

В социалистических газетах приходилось встрѣчать специфическое выраженіе: «необходимо немедленно приступить к осуществленію *органическаго* народовластія»...

Надо полагать, что автор этого выраженія „химик“ по образованію, ибо правовѣрный социалист никак не может оказаться послѣдователем проекта Риттенгаузена ²⁰⁾.

Народоправство? Нигдѣ и никогда народ не был сам своим правительством: дѣло управленія всегда передовѣряется или одному (царю, президенту), или немногим (министрам).

Народовластіе, выражающееся в том, что народ выбирает депутатов в парламент (Государственную Думу)?.. Может быть, здѣсь покажутся болѣе убѣдительными слова социал-демократа Лафарга:

— „Люди, не имѣющіе на продажу ни сала, ни мяса, ни носков, владѣют совѣстью и правом голоса, которые они и продают, становясь депутатами ²¹⁾).

Правда, мы, русскіе, еще не испытали парламентской жизни, но богатый опыт Европы и Америки дает достаточно сильную картину закулисной грязи депутатовастія, чтоб у кого-нибудь явилось желаніе назвать это явленіе народовластіем.

Можно охотно вѣрить тому, что депутаты и министры от социалистических партій не позволят себѣ грязных сдѣлок и не продадут себя ни буржуазіи, ни кому иному, но народовластіем это всетаки не будет и об этом говорят сами социалисты:

— «Съѣзд партіи считает необходимым, что-бы министры-социалисты-революціонеры положили в основу своей дѣятельности постановленія, принятыя высшей партійной

²⁰⁾— „Законодательство должно органически развиваться из среды самого народа; вмѣстѣ с тѣм, должно быть отмѣнено какое-бы то ни было составленіе законопроектов в специально для этого устроенных учрежденіях“.— Риттенгаузен. Шаткля основанія представительной системы. Стр. 82.

²¹⁾ П. Лафарг. Соціализм и интеллигенція. Сиб. 1918. Стр. 12, 21.

инстанціей, т. е. настоящим полномочным собраніем представителей партійных организацій» ²²⁾.

Здѣсь совершенно недвусмысленно расшифровывается таинственное „народоправство“: народом будут править министры-маріонетки (по-русски: петрушки), которые будут дѣйствовать под диктовку партійных организацій. Попросту говоря, государством будут управлять, сидя за кулисами, партійные комитетчики, безотвѣтственные и никому невѣдомые. Таково народоправство с точки зрѣнія есеровскаго съѣзда. Мы знаем теперь, что и царь не сам управлял страной, у него тоже были закулисные совѣтники, у которых он был в большом послушаніи: странно, что социалисты не потрудились создать новых способов управленія.

Играя фальшивыми картами—народовластіем и народоправством, немедленно превращающимися во власть и управленіе партій, организацій и комитетов, социалисты внушают недовѣріе к самому социализму.

Но и этого мало. Вставши на защиту Сибирской областной Думы, социалисты утверждают, что с созданіем этой Думы, „мы встали наконец на путь *истиннаго* народоправствія“. Назвать проявленіем *истиннаго* народоправствія нашу Думу, члены которой „избирались“ управами и различными организаціями в составѣ пяти человѣк—для социалиста это самооплеваніе. И народ здѣсь рѣшительно ни при чем, а имя его упоминается, во всяком случаѣ, всеу.

Взявши историческую справку по этому вопросу, мы узнаем, что понятіе о „самодержавном народѣ“, родилось в дни французской революціи. Но вот что говорит Гизо, никѣм из социалистов в данном случаѣ неоспариваемый:

²²⁾ Революція, принятыя на 3-м съѣздѣ партіи социалистов-революціонеров. 1917 г.

— „Теоретики революції ошибались, или лгали, провозглашая самодержаніе народа. На самом дѣлѣ рѣчь шла не о самодержавіи всего народа, а о побѣдѣ одной части народа над другою его частью. Так как на сторонѣ третьяго сословія было огромное численное превосходство, то и возникла теорія народнаго самодержавія“²³).

Опыт русской революціи показал, что партіи, собирающія большинство голосов, всегда и неизмѣнно говорят от имени народа.

Парламентаризм и представительная система вообще ни коим образом не могут претендовать на названія: народовластіе и народоправство, ибо народ и не властвует и не управляет, а только подает голоса за ту или иную партію: превращается в «голосующее стадо».

Но, может быть, социалисты под народовластіем и народоправством разумѣют то, что называется непосредственным (или прямым) народным законодательством, то есть представительную систему с поправками в видѣ референдума и инициативы и, как образец, имѣют в виду пресловутую Швейцарію?

В таком случаѣ лучше всего обратиться к первоисточникам.

„Эрфуртская программа“ по этому вопросу говорит в очень опредѣленных тонах (стр. 135):

— «О прямом народном законодательствѣ нам нѣтъ надобности говорить. Оно не может сдѣлать парламент излишним, по крайней мѣрѣ в современном крупном государствѣ. . Самое большее, что оно может сдѣлать, это дѣйствовать в нѣкоторых случаях, как дополнение к парламенту. Совершенно немислимо проводить всѣ законы через прямое народное законодательство, и так-же немисли-

²³) Du gouvernement de la France. p. 138.

мо с его помощью слѣдить за исполнительной властью и, когда надо, вліять на нее. Пока существуютъ современные крупныя государства, центромъ тяжести ихъ политической жизни будутъ ихъ парламенты».

Тот-же Каутскій по вопросу о прямомъ народномъ законодательствѣ высказываетъ совершенно «криминальныя» мысли. Онъ находитъ, что парламентаризмъ отдаетъ власть въ руки населенія большихъ городовъ и это хорошо, а прямое народное законодательство усилитъ вліяніе широкихъ деревенскихъ массъ. «Поэтому предоставленіе народу политическихъ правъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать охраненіемъ пролетарскихъ интересовъ, или содѣйствіемъ общественному развитію. Какъ извѣстно, всеобщее избирательное право еще нигдѣ не приводило къ социал-демократическому большинству... Непосредственное народное законодательство имѣетъ тенденцію не содѣйствовать, а препятствовать раздѣленію народа на партіи... Если бы оказалось возможнымъ замѣнить представительную систему непосредственнымъ народнымъ законодательствомъ, то это привело-бы къ совершенному распаденію всѣхъ партій... Мы не имѣемъ никакого повода желать, чтобъ партіи растворились въ націю; и поскольку непосредственное народное законодательство вліяетъ въ этомъ направленіи, постольку оно можетъ только препятствовать стремленіямъ рабочаго класса къ эмансипаціи... Мы не имѣемъ основанія настаивать на непосредственномъ народномъ законодательствѣ»²⁴⁾.

Русскіе социалисты, вопреки совѣтамъ своего учителя, настаиваютъ на этомъ,—разногласица удивительная, которая по меньшей мѣрѣ не полезна социализму. И нѣтъ никакой возможности установить: которые же социалисты въ данномъ вопросѣ обладаютъ истиною. Правда, большевики

²⁴⁾ К. Каутскій. Представительное правленіе. СПб. 1905. Стр. 83—92.

разрубили этот узел, они постановили, что народовластіе и народоправство лучше всего выражается в «совдепах»; Каутскій, со своими страхами за судьбу своей партіи, очень близок к большевикам, но это неудовлетворительный отвѣтъ.

Теперь остается обратиться к самой „счастливой“ Швейцаріи, государственному устройству которой сожжено так много фиміамов на наших митингах. Сами швейцарцы, работающіе в области социологіи, начиная от Курти и Деплюажа и кончая газетными статьями послѣдняго времени, очень далеки от увлеченій, наоборот, опираясь на статистическія данныя, они единогласно свидѣтельствуют, что референдумом чаще всего и охотѣе всего пользуются консерваторы и почти никогда радикалы. Общеизвѣстен, обойдя всѣ популярныя изданія нѣмецких социал-демократов, и другой фактъ, на этой раз из исторіи французской революціи: жирондисты, желая спасти присужденнаго к смертной казни Людовика XVI, требовали, чтоб этот вопрос был поставлен на всенародное голосованіе а радикалы признали установленіе референдума контрреволюціонным начинаніем.

Поскольку можно вѣрить в настоящее время газетам, кіевскіе монархисты поднимали вопрос о необходимости референдума по поводу судьбы Николая Романова—можно быть увѣренным, что наши сторонники народовластія тоже не рискнули бы в данном случаѣ поддерживать предложеніе всенароднаго голосованія.

Надо признать, что нѣмецкіе социалисты правы, находя, что, в условіях капиталистическаго строя, народовластіе и народоправство технически непримѣнимы в таком большом (территориально) государствѣ, как Германія; а отсюда не трудно сдѣлать вывод уже не о большой, а о колоссальной Россіи.

Если-же наши социалисты всетаки говорят о народо-власти и народоправствѣ, то одни из них не вѣдают, что творят, загипнотизированные силою громких слов, а другіе, трезвые, под народовластіем разумѣют власть демократических партій, то есть допускают сознательный обман.

Великая русская революція создала такое положеніе, когда, впервые в исторіи человѣчества, власть оказалась полностью в руках социалистов. Явленіе чрезвычайной важности для судеб практическаго социализма: он держал экзамен на аттестат зрѣлости. Прошло нѣкоторое время, был изжит большевистскій період и вот и в рѣчах думских ораторов и в прессѣ было заявлено о полной необходимости снабдить эту социалистическую власть «принудительным аппаратом».

Что это за вещь?

«Принудительный аппарат»—это деликатное, парламентское выраженіе, под которым разумѣются нагайки и штыки, направленные против собственных граждан.

Таким образом социалисты перешли еще один рубикон и признали, что и их власть может держаться только насиліем (штыками и нагайками), что без этого «аппарата» она беспомощна. И это—ужасное признаніе, оно является публичным признаніем банкротства социализма.

Надо только представить себѣ всю важность этого событія. Сибирскіе социалисты, продѣлав опыт, объявили социализм обанкротившимся, но вѣдь этот опыт и результат будут учтены во всем мірѣ как друзьями, так и врагами социализма—и или нашим социалистам не повѣрят и объявят их самих величайшими предателями и изменниками (как они теперь называют большевиков), или им повѣрят и, в таком случаѣ, будет утверждена анархистская

истина: всякая власть (и при этом прибавят: до социалистической включительно) зиждется на насилии²⁵⁾.

К тягостному признанию банкротства социализма (невозможность социалистической власти без насилия) социалисты пришли не сразу, это был по времени краткий, но по содержанию колоссальный путь безславного отступления, постепенного отказа от принципов и жалкого впадения в оппортунизм.

Еще так недавно социалистическія литавры гремѣли о «святых завѣтах, начертанных» и т. д., о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, а теперь?.. Вся позолота оботрется, свиная кожа остается.

У какого, хотя бы самого юнаго, социалиста хватит смѣлости по-прежнему сказать: мы, социалисты, дадим вам свободу?

Свобода... при „принудительных“ аппаратах?!

Братство? Да, братство!.. А сколько теперь фронтов, гдѣ народы устроили *братскую* встрѣчу?

Когда-нибудь потом о братствѣ поговорим.

Остается *равенство*. Нѣт не остается: его всесибирскій краевой комитет партіи социалистов революціонеров упразднил.

И необходимо сохранить для потомства этот документ. Вот он:

— „Когда-то Рим, руководствуясь принципом „раздѣляй и властвуй“, установил цѣлую градацію подвластных и союзных ему народов. Одних он одарил всѣми правами римскаго гражданства, другим дал в извѣстной мѣрѣ самоуправленіе, третьим дал *только ежовыя рукавицы*... *Подобная-же система мыслима* и в новое время и в цѣлях не своекорыстных, а в культурных цѣлях. Общее культурное

²⁵⁾ Л. Н. Толстой. К политическим дѣятелям. Гл. IV.

состояніе даннаго государственнаго цѣлаго может настоятельно диктовать *установленіе извѣстнаго неравенства* между членами союза, причем может оказаться совершенно необходимымъ одного из них *лишить тѣхъ привилегій и вольностей, которыми одарены другіе*“²⁶⁾.

Не менѣе печальная судьба постигла *интернаціонализм*, за который все еще цѣпляются меньшевики и ес-еры,— что от него осталось? Часть германской социал-демократіи, сторонники Либкнехта, называющіеся „Группою Спартака“, декларируют:— „Міровая война уничтожила результаты сорокалѣтней работы социалистическихъ партій Европы. Она дискредитировала политическую силу рабочаго класса, уничтожила престижъ социализма. Она разбила пролетарскій интернаціонал, бросила в братоубійственной борьбѣ одних пролетаріевъ противъ другихъ, приковала надежды народныхъ массъ къ колесницѣ имперіализма. Голосуя за военные кредиты, официальные вожди социалистическихъ партій Германіи, Франціи, Англіи способствовали усилению имперіализма. Такая политическая позиція официальныхъ партійныхъ представителей в воюющихъ странах, и в первую голову в Германіи, партія которой стояла до сихъ пор во главѣ интернаціонала, является измѣною основнымъ положеніямъ международнаго социализма, насущнымъ интересамъ рабочаго класса и демократическимъ интересамъ народовъ“.

Какъ извѣстно, во время войны интернаціоналъ разбился на три части, соотвѣтственно тѣмъ тремъ основнымъ направленіямъ, на которыя подраздѣлились социалисты всего міра:

- 1) Правое крыло—«оборонцы».
- 2) Центр, получившій кличку социал-шовинистов, занялъ колеблющуюся позицію, между двухъ крыльевъ. Къ этой

²⁶⁾ „Федерализм“ Статья в газетѣ „Голосъ Народа“ № 30. 7 іюля, 1913 г. (курсивъ нашъ).

группѣ принадлежат: в Германіи—Каутскій, во Франціи—Лонге, в Россіи—Аксельрод, в Италиі—Турати.

3) Лѣвое крыло—революціонные интернаціоналисты, как они себя называют. Они порвали с правым крылом—оборонцами и вступили в борьбу с центром. В Россіи к этой группѣ относятся большевики, в Германіи—группа „Рабочей политики“, во Франціи—Лоріо, в Англии—Маклин и Т. Мэн.

В Циммервальдѣ и в Кинталѣ большинство оказалось в центрѣ, а потому постановленія этих съѣздов не признаются ни «оборонцами», ни «революціонными интернаціоналистами». В результатѣ окончательный раскол и спор о том, кто же теперь правомочен созвать третій интернаціонал? И кого можно допустить в интернаціонал и кого слѣдует с позором изгнать, как измѣнника? При чем группы не признают друг друга социалистами и одна другую объявляют, в обращеніях к пролетариату, незаслуживающими довѣрія.

Таким образом социалистическій интернаціонал погиб, раздавленный колесницею войны. И погиб он не случайно, а потому, что двѣ трети социалистов, теоретически исповѣдовавших интернаціонализм, когда пришла необходимость приложить теорію к практикѣ, отказались от интернаціонализма, сочли его утопичным и вредным в данных условіях для пролетариата.

Но может быть социалистическій интернаціонализм погиб не потому, что социалисты от него отказались, может быть идея интернаціонализма мертва сама по себѣ?

Положительным отвѣтом на этот вопрос и отвѣчают всякаго рода націоналисты, но здѣсь, в этом утвержденіи есть логическій скачек, который уродует перспективы и приводит к ложным заключеніям.

Пока нам известно только два факта: развал социалистического интернационала (организации) и отказ многих социалистов от интернационализма. Оба эти факта свидетельствуют не о гибели интернационализма, как идеи, а только о том, что большинство современных социалистов не были в сущности интернационалистами и составили непрочную, нежизненную организацию — интернационал. И погиб не интернационализм, а произошло частичное крушение социализма.

Социализм, поскольку он признает необходимою для достижения своих целей классовую борьбу, фактически не может при существующих условиях государственного строительства быть интернациональным. Классовая борьба и интернационализм в условиях существующаго мирового рынка не совместимы.

Нѣмецкіе социалисты-оборонцы утверждают, что интересы (здѣсь особенно ясно, что нужно сказать: *выгоды*) нѣмецкаго пролетаріата требуют, чтоб развивалась только нѣмецкая индустрія, а чтоб Россія была превращена в колонію — потребительницу германских фабрикатов. И русскіе должны согласиться, что это правда, что отсталость Россіи выгодна нѣмецкому рабочему. А слѣдовательно, всѣ тѣ тяжкія обвиненія, которыми засыпается германская «империалистическая буржуазія» — эти же обвиненія должны быть обращены и к нынѣшнему германскому пролетариату, который в данном случаѣ, в борьбѣ за рынки, совершенно солидарен со своею буржуазіей.

Богатства Европы и условия заработной платы европейскаго рабочаго созданы не столько трудом рабочих, сколько эксплуатаціей колоній и «отсталых» стран, вынуждаемых (не рѣдко силою оружія) потреблять продукты европейской индустріи.

Не изживши этого противорѣчія, мы никак не можем выполнить завѣтъ Христа и стать интернаціоналистами.

Но этого мало. Еще шестнадцать лѣтъ тому назад социал-демократ Штребель констатировал:

— «Профессиональное движеніе Англии и Америки доказывают, что слои аристократических, хорошо обученных рабочих склонны стать на почву капиталистическаго общественнаго строя и войти в соглашеніе с господствующими классами»²⁷⁾.

О том-же свидѣтельствуем и «Эрфуртская программа» (стр. 131);

— «В нѣкоторых случаях дѣло заходит так далеко, что союзы квалифицированных рабочих не только забывают о долгѣ солидарности со всем рабочим классом, но и пытаются создать себѣ выгоды на счет остальных рабочих».

В программѣ австралийской «Социалистической лиги» до 1901 г. имѣлся пункт, согласно котораго лига не считала возможным допущеніе в Австралію рабочих из других стран,

Переходя к нашим дням, мы узнаем, что социал-демократическая конференція сказала:

— «Конференція устанавливает тот факт, что англійскіе и французскіе социалисты перешли на сторону своих капиталистических правительств и отказались идти на конференцію (мирную), устраиваемую Боргбьергом»²⁸⁾.

Характерно и то, что

— «Распад перваго интернаціонала обусловливался главным образом нуждами національнаго рабочаго движенія

²⁷⁾ Г. Штребель. Профессиональные союзы и социал-демократія. СПб. 1908. стр. 112.

²⁸⁾ Резолюціи всероссійской конференціи Россійской С.-Д. Рабочей партіи, 24—29 апр. 1918 г. Стр. 16.

Высшее международное руководящее учреждение, каковым являлся генеральный совет интернационала, ни в каком случае не могло, при наличных условиях, дать тактическія директивы»²⁹⁾).

Первый конгресс австралийских тред-юнионов, заставший в Сидней 14 ноября 1902 г., единогласно выставил требование наложения особых клейм на все продукты азиатской мануфактуры, дабы оградиться от конкуренции. Это требование проведено в жизнь.

И, наконец, все мы помним позорныя событія в Соединенных Штатах, когда в интересах местных рабочих желтые пролетаріи изгонялись из страны.

Социалистическій опыт интернационала рѣшительно не удался. Ошибочною была мысль, что *только* рабочій класс является носителем идеи интернационализма: теперь мы путем опыта узнали, что рабочій класс, при современном его культурном уровнѣ, интернационалистичен несколько не больше и не меньше, чѣм другіе классы. И у нас не осталось никаких основаній ждать, что братство народов придет только через рабочих,—видимо, к этому братству ведут какіе-то иные пути, лежащіе внѣ социализма. А так как и христіанство тоже не привело нас туда, гдѣ нѣтъ ни грека, ни еврея, то становится очевидным, что мы должны пробить какую-то *новую* дорогу.

Из пред-идушаго обзора мы видим как социалисты в один год прожили и растратили все то, что вѣками накопляли и любовно собирали их отцы. Но, не проявляя никакого безпокойства по поводу одних утрат, в других случаях социалисты иногда считали своим долгом „выступать на защиту“ и в таких случаях они неизмѣнно

²⁹⁾ Г. Гекк. Интернационал. 1906. 30.

попадали в положеніе того сказачнаго героя, который не во время кричал: канун, да ладан.

Сколько раз, в зависимости от политических вѣяній, измѣнялось отношеніе къ пресловутым „совдепам“—как-же на это реагировали социалисты?

Вот меньшевики:

—„Рабочіе должны поддерживать всѣ революціонныя выступленія крестьянства вплоть до захвата земель помещичьих, монастырских и удѣльных... Формы владѣнія конфискованными землями должны быть предварительно выработаны Совѣтами Крестьянских и Рабочих Депутатов, а затѣм окончательно установлены и закрѣплены Учредительным Собраніем... Особенно необходимо вооруженіе рабочих в столицах и крупных центрах, что-бы отразить в самом началѣ будущія попытки реакціи. Созданіе народной милиціи должно происходить под контролем Совѣтов Рабочих и Крестьянских Депутатов. Контроль необходим над всяким правительством. Уклоненія от демократически-революціоннаго пути для правительства неизбежны; надо спокойно и твердо, организованным давленіем через Совѣты Рабочих Солдатских и Крестьянских Депутатов, возвращать его на этот путь“³⁰⁾.

Потом была: „вся власть совѣтам“.

Затѣм, послѣ паденія большевизма, совдепам дали обязанности „классовых организацій временнаго характера“³¹⁾. Когда-же зазвучали рѣчи о необходимости полной ликвидаціи всяких совдепов, Всесибирскій краевой комитет партіи социалистов-революціонеров рѣшил возвысить свой голос в защиту гонимых учреждений и опубликовать свои знаменитые „Тезисы об отношеніи къ совдепам“³¹⁾.

³⁰⁾ А. Богданов. Задачи рабочих в революціи. М. 1917 г. стр. 20—22.

³¹⁾ „Голос Народа“ № 25. 2 іюля 1918.

В „Тезисах“ категоричеески сказано: „совѣты рабочих и крестьянских депутатов *должны существовать*“.

Дальше указываются задачи совдепов:

— „а) быть будильниками классового самосознанія рабочих масс... в) создавать единство дѣйствій этих масс... с) стоять на стражѣ всѣх завоеваній февральской революціи“. И, наконец, опредѣляется линія поведенія самой партіи:

— „Партія будет добиваться превращенія совѣтов в соединительныя звенья между народными массами и всенародными центральными представительными учрежденіями“.

Но оказалось, что этой грозной риторики недостаточно и социалистическое правительство, не взирая на социалистическіе „Тезисы“, все-же издало приказ о роспускѣ всѣх совдепов и о запрещеніи их дальнѣйшаго существованія. Тогда и меньшевики и эсеры, объединившись, рѣшили вразумить правительство болѣе сильным средством—резолуціей. Резолуція была грозная и категоричееская:

— „Комитет партіи выражает рѣшительный протест против роспуска всѣх существующих совѣтов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, видя в этом постановленіи Временнаго Сибирскаго правительства явное нарушеніе прав и интересов демократіи, предпринятое в угоду наглým притязаніям поднявшей голову буржуазіи, и считая его чреватым серьезными опасностями для родины и революціи. Во имя интересов рабочаго класса и всей демократіи и для устраненія внутренних обостреній комитет настаивает на немедленной отмѣнѣ этого постановленія Временнаго Сибирскаго Правительства, являющагося прямым вызовом, брошенным в лицо демократіи буржуазной реакціей“ ³²⁾.

³²⁾ „Голос Народа“. № 32, 10 Мая 1918.

И не взирая на всю рѣшительность тона и прозрачные угрозы, правительство не отмѣнило своего постановления и даже не сочло нужным как-бы то ни было реагировать на требованіе правительственной партіи — и партіи, проглотив пилюлю, замолчали, а рабочій класс и демократія, от имени которых партіи говорили и угрожали, они и пальцем не пошевелили чтоб спасти реноме партій — очевидно, они не были солидарны с партійными взглядами.

Это, на первый взгляд маленькое, столкновение имѣло чрезвычайно большіе результаты: социализму был нанесен удар, от котораго он сильно зашатался. Враги социализма, с замираніем сердца слѣдили за ходом столкновения и, когда произошла развязка, они дѣйствительно „подняли голову“, ибо они воочию увидали, что с социалистическими партіями *уже* можно не считаться, что их угрозы не исполняются, что за них никто не заступается, что социализм больше не страшен. Это был поворотный момент в ходѣ реакціи, послѣ котораго она почувствовала, как развязались ся руки — и этот момент, дѣйствительно „чреватый серьезными опасностями для родины и революціи“, был создан социалистами и только социалистами.

„Правые“ „реакціонеры“ и как их там еще называют, они в первые мѣсяцы революціи стыдливо сторонились, чувствуя и сознавая неправды свои; большевики своими расправами, „контрибуціями“, грабежом казначейств и т. п. дали реакціонерам и слугам стараго строя психологическое оправданіе: не мы одни сказали они, социалисты-большевики дѣйствуют почище нашего!

И в этот момент вспыхнули надежды на возможность реставраціи. помѣхой были правыя социалистическія партіи, высокая репутація которых еще не позволяла выступить на равную с ними ногу, приходилось выжидать.

Ждать пришлось не долго. Правосоциалистическія партіи, плохо-руководимыя, потерявшія принципиальную устойчивость, быстро покатались по наклонной плоскости. Социализм таял, гасли и блекли краски, исчезала обаятельность, впереди уже чувствовалось разбитое корыто. И тогда было предпринято „последнее“ средство, которое должно было если не устранить неизбежный конец, то по крайней мѣрѣ, смягчить паденіе.

Положеніе учтено было совершенно правильно, наступил момент, когда для спасенія социализма, нужно было немедленно совершить какое-то дѣйствіе, волеизъявленіе: момент был угадан, или вѣрнѣе сказать, еще не упущен, но самое дѣйствіе—оно было гвоздем для гроба.

Социалисты еще раз обнаружили, что они рѣшительно ничему не научились, остаются доктринерами, не могут разобраться в положеніи вещей, что они далеки от пониманія своей роли.

Шаг, сдѣланный нашими социалистами займет много страниц в исторіи социализма, как акт величайшаго предательства, или как факт изувѣрскаго самоожженія. Сибирскіе социалисты, не учтя того, что волею судеб они в настоящій момент выдвинуты на мировую авансцену, гдѣ требуется совершенно иная игра, они продолжали свой немудрый водевиль деревенскаго балагана—и теперь по этой их игрѣ мір будет судить и составлять представленіе о практическом социализмѣ.

Вмѣсто того, чтоб развязать, или разрубить узел, социалисты стали искать: „кто виноват“? Как будто важнѣе найти поджигателя, чѣм тушить пожар. Разыгралась сусальнорусская сцена. Давно извѣстно, что русскій народ в минуты общественных неурядиц, обыкновенно, находит исход и разрядку своих настроеній в том, что ловит какого-нибудь Ивашку и всенародно с колокольни его спускает.

И вот социалисты-революционеры в чрезвычайно ответственный, неповторяемый момент жизни России, оказавшись беспомощными и незнающими, что сказать народу, — есеры в этот единственный миг отвратительно улюлюкнули на Иващку...

Настроение разрядилось, Иващку, при помощи двух видных есеров, спустили с колокольни: потом оказалось, что это была демократія.

Социалисты-революционеры устроили публичное покаяние, оффициально выпустив с этою цѣлью Е. Колосова и И. Гольдберга, которые должны были улюлюкнуть и указать: кто виноват? — „Кто виноват в том ужасѣ, который густым и липким туманом окутывал Россію в продолженіи многих мѣсяцев, кто виноват в том, что великая, единая Россія разорвана в клочки, что возставшій в февралѣ прошлаго года русскій народ лежит раздавленный, распластаный у ног завоевателя? Кто виноват?

Демократія — отвѣчаем мы, — говорит И. Гольдберг ³³). — мы говорим, да, демократія кровно грѣшит, кроваво грѣшит!“ —

Видя, что оратор дѣлает ужасную, совершенно не допустимую ошибку, гр. Колосов спѣшит внести поправку:

— Это мы виновники происшедшаго — демократія. Я скажу больше: революціонная демократія, я скажу еще больше — социалистическая демократія*.

Но никто не стал разбираться в тонкостях поправки, кличем понеслось:

— Во всем виновата демократія!

Так правые социалисты совершили предательство и собственноручно отдали демократію на распятіе.

И не важно: было-ли это самосожженіе изувѣров, или здѣсь в поисках спасенія хотѣли перешагнуть через по-

³³) „Голос Народа“ № 62, 1918.

верженную демократію. И напрасно каялись есеровскія магдалины, ибо давно извѣстно что покаяніе—это отчаяніе, потухающее в уничтоженіи.

Если большевики привели нас к крушенію социализма, то надо признаться, что они при этом сошли с корабля послѣдними, а многіе и совсѣм не сошли. А правые социалисты? Они безславно кончили тѣм, что отрѣклись от родства с большевиками и отвратительно предали демократію.

Наши дни—это один из значительнѣйших моментов в жизни человѣчества. Разбита еще одна великая иллюзія: умер социализм.

Пред нами бушующій океан и нѣтъ маяков.

—Эй! Посмотрите там: есть ли кто-нибудь у кормила!

IV.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЯ ПАРТІИ.

Промежуток между двумя крайностями—монархистами и социалистами—заполняют промежуточныя, убогодочныя партіи. Всѣ эти партіи не имѣют оригинальной физиономіи и различаются между собою только тѣм: к которому крылу ближе каждая из них стоит, откуда она заимствует свои программныя положенія. Первая русская революція породила очень большое количество подобных партій, вторая революція, сильнѣе откристаллизировавъ политическія настроенія, способствовала значительному уменьшенію дробленія.

Партія народной свободы, или в просторѣчьи *кадеты*, наименованіе оставшееся лишь как память

о прежнем названіи партіи: конституціонно-демократическая. Это русскіе либералы.

До революціи кадеты были монархистами; учтя результаты переворота, они измѣнили свою программу и превратились в республиканцев. По существу говоря, на этом и закончилась исторія партіи и она надолго утратила свой престиж. Перемѣна одного из основных положеній программы—это большая и трудно-исправимая ошибка. Кто-же отнесется довърчиво к тому, что вчерашній монархист сегодня стал искренним республиканцем? И всетаки кадеты утверждают, что с ними это случилось, и здѣсь не слѣдует удивляться.

Кадетскій лидер покойный В. А. Караулов очень мѣтко опредѣлил кадетскій диапазон, сказав:—

—„Во Франціи я республиканец, в Россіи—монархист“

Иными словами в программѣ кадетов нѣтъ твердоустановленных положеній, незыблемых основ,—здѣсь все условно и зависит от обстоятельств времени, мѣста и т. д. кадеты своим пересмотром программы дали блестящее подтвержденіе опредѣленію В. А. Караулова: они были монархистами, но в силу обстоятельств времени превратились в республиканцев.

И не нужно за них беспокоиться: если обстоятельства еще раз перемѣнятся, кадеты сумѣют подыскать повод для того, чтобы снова стать монархистами,—не даром среди них много адвокатов.

Партія резиновых убѣжденій—либералы отличаются большою способностью окрашиваться в цвѣт окружающей обстановки и, в зависимости от того, кто в данный момент у власти, они бывають то чернѣе, то краснѣе.

Отсутствіе принципиальной устойчивости, эластичность, приспособляемость—все это качества, которыя могут способствовать успѣху отдѣльной личности в нездоровых

условіях общественной жизни, но если подобными качествами обладает общественная организация (партия), то онъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ успѣху.

Выступление отдѣльных лицъ, вродѣ Милюкова с его германской ориентаціей—это не больше, какъ безпомощное ауканіе заблудившагося человѣка. Что-же касается перваго, послѣ изгнанія большевиковъ изъ Сибири, съѣзда партіи, то онъ оказался еще болѣе безпомощнымъ. Полный разброд мнѣній, невѣроятная разногласица: управленіе „огнемъ и желѣзомъ“, „помощь союзниковъ“, „война (с большевиками) до полного истребленія“ и т. п.—все это истеричные выклики человѣка, вышибленнаго изъ колеи, а не призывы творца общественной жизни.

Чингисхановское управленіе огнемъ и желѣзомъ, какъ и всѣхъ подобныхъ ему, не создало прочнаго государства и намъ нѣтъ основаній возвращаться ко временамъ варварства, если мы думаемъ возсоздать свое государство.

Помощь союзниковъ в борьбѣ с большевиками? Исторія свидѣтельствуетъ, какъ уже сказано выше (стр. 53) что вмѣшательство иностранцевъ всегда и неизбѣжно пагубно: в худшемъ случаѣ потеря независимости государства, в лучшемъ—экономическая кабала и утрата части территорій. Третьяго нѣтъ.

Является вопросъ: такъ-ли уже благодѣтельна власть кадетовъ, чтобы за утвержденіе ея заплатить такую дорогою цѣной? Изъ-за того, что мы не умѣли столкнуться между собою, нами сотни лѣтъ правили татары—подъ какое иго мы должны пойти теперь, чтобы исполнить желаніе кадетскаго съѣзда?

Борьба до полного истребленія большевиковъ?

Если одна половина Россіи истребитъ другую, то очевидно останется только пол-Россіи, кто-бы кого ни истребилъ, да и та окажется настолько истощенною въ борьбѣ,

что будет не жить, а «зализывать раны», как предрекали нам немцы.

Нужно уничтожать не большевиков, а те условия, которые создают большевиков и питают большевизм, как прыщеватых худосочных личат не от прыщей, а от худосочия.

Слишком ясно, что все эти предложения продиктованы исключительно чувствами, а они меньше всего пригодны в социальном строительстве, и либералы-кадеты не выведут нас из тупика.

Народные социалисты. Если либералы (кадеты) являются политиками по недоразумению, то народные социалисты—это уже одно сплошное недоразумение, начиная с безтолкового названия: *народные* социалисты очевидно противопоставляются каким-то *ненародным*. Эклектическая программа народных социалистов не отличается большим умением выбора и напоминает гражданина в цилиндр и турецких шароварах.

Тактика? у народных социалистов одно правило тактики: равняйся на право!

Невольно возникает вопрос: зачем такая партия существует? Но для того, чтобы получить удовлетворительный ответ, нужно задать вопрос по иному: *для кою* такая партия существует?

Один доктор, весельчак, балагур, умеющий хорошо рассказывать соленые анекдоты и не дурак выпить, будучи условиями революционного времени вынужден партийно определяться, попал в безвыходное положение. Понюхав воздух, он потер руки и сказал:

— Хорошо теперь быть социалистом. Запишусь, однако? Но взглянув нечаянно на свой довольно солидный живот, досадливо проговорил:

— Черт знает что такое! С таким кузовом только кадетом и можно быть. Надо-бы хоть в кадеты записаться... да как-то неловко в наше время!

И записался... в народные социалисты.

Народные социалисты—это право-лѣвые; партія политических гермафродитов. Она никогда не будет играть роли и не рѣшит никаких проблем, будучи специфическим явленіем смутнаго времени.

Союз областников. По существу своему областники—это федералисты, а в Союзѣ во времена царей лозунг «автономная Сибирь» объединял людей самаго разнообразнаго политическаго мышленія: были областники социалисты, были и монархисты.

Вполнѣ естественно, что люди самых разнообразных политических взглядов сходятся на каком-либо лозунгѣ и даже выступают совместно для проведения его в жизнь, составив организацию: союз. Но когда лозунг становится общепризнанным, когда против него никто не спорит, когда не с кѣм бороться за его осуществленіе, тогда союз изживает себя и становится ненужным, у него не остается цѣли для существованія. Последнее и случилось у нас в Сибири, гдѣ необходимость автономіи областей и федеративнаго устройства государства признается всѣми от социалистов до либералов (кадетов) включительно. При таком положеніи областническія организациі должны ликвидироваться. У нас произошло нѣчто иное. Областнических организациі нѣтъ, но есть какіе-то «областники» и даже «фракція областников» в думѣ. Из того, что эта фракція объединилась в выступлениях с беспартійными, можно сдѣлать вывод, что фракція областников считает себя *партійною*, но всѣ мы прекрасно знаем, что такой партіи нѣтъ, да и быть не может.

В чем-же дѣло? И кого представляет фракція областников? Чьи «интересы» она защищает? И чего она добивается?

По рѣчам «областников» видно, что они ушли гораздо дальше лозунга, что они берутся за разрѣшеніе вопросов, не имѣющих уже ничего общаго с основною и единственною задачею областничества.

Но, не имѣя программы, не имѣя ни от кого мандатов, никого не представляя—они являются тѣми разносторонними и развязными дѣльцами, которые так хорошо плодятся в смутныя времена.

Если судить по рѣчам и статьям, то окажется, что в отношеніи политических взглядов, областников рѣшительно невозможно отличить от либералов и народных социалистов.

Если-же взять их практическіе шаги, то это „борцы в масках“, которые желают принять участіе в политическом чемпионатѣ и урвать кусок приза, не открывая себя.

Извѣстно, что цѣлая группа «областников» сдѣлала попытку выступить в роли международных аферистов. Сидя в Петроградѣ, они организовали «Сибирское Правительство», назначив всѣх министров персонально. Потом эта банда стала обивать пороги банкиров, предлагая за приличную сумму, организовать *твердую* власть и поставить Россію на ноги, и при этом имѣли у банкиров нѣкоторый успѣх. Затѣм они обошли иностранныя посольства с предложеніем сибирских концессій: продавали на 99 лѣтъ горныя богатства Камчатки, продавали лѣса Алтая, рыбныя концессіи в низовьях рѣк и т. п.

Пока не извѣстно, что это за «областники», в каких отношеніях состоятъ они к томским областникам и к думской фракціи. Неизвѣстно так-же, с вѣдома-ли двух послѣдних приступили они к распродажѣ Сибири. Вообще,

здѣсь имена не имѣют значенія, важно-же то, что флаг областников прикрывал, а может быть и прикрывает такую ужасную грязь, как международные аферисты.

Конечно нельзя дѣлать слишком рѣшительных обобщеній, и есть областники, которые ни в какой мѣрѣ не повинны в том, что маркою областничества пользуются искатели приключеній, но в то-же время, при отсутствіи организациі, сдѣлать различіе между дѣйствительными и фиктивными областниками очень затруднительно. Ставши поприщем для искательства безотвѣтственных лиц, дѣйствующих чаще всего анонимно, или под неопредѣленным флагом апокрифических «кружков» «групп» и т. п., областничество неправо разсчитывать на общественное довѣріе, а тѣм самым разрѣшается вопрос и о его роли в дѣлѣ социальнаго строительства.

Условіями смутнаго времени вызвано появленіе безчисленнаго множества разнаго рода и на разные вкусы «союзов», «объединеній», «организациій», «блоков», претендующих на право разрѣшенія социальных проблем. Нѣтъ возможности, да и надобности, останавливаться на этих эфемеридах, не оставляющих слѣдов в общественной жизни.

Судьба всѣх вообще промежуточных, так называемых *умѣренных*, партій настолько изумительно повторяется, что роль их стала заигранным шаблоном. Сконструированныя в разсчетъ на условія социальных штилей, онѣ совершенно не выдерживают бурь. В мирное время онѣ настойчиво рекомендуют «тихий ход», в дни переворотов кричат: «назад!» И это безотносительно к тому, кто является инициатором переворота: правые или лѣвые.

Умѣренныя партіи социальной самоцѣнности не имѣют; онѣ только тормаз для крайних, совершенно не имѣющій значенія, когда он взят сам по себѣ, -- и если бы исчезли

крайнія партіи, то умѣренныя должны бы были ликвидироваться за ненадобностью. Получив преобладающее значеніе в мирное время, онѣ роковым образом ставят общественную машину на холостой шкив, а потому бесполезны; прилагая силы к тому, чтоб оттянуть общество назад в бурные періоды, онѣ вредны, ибо загоняют внутрь соціальныя болѣзни.

В борьбѣ против крайностей и отрицательных явленій политических и соціальных бурь, умѣренныя партіи теряют чувство мѣры не меньше своих противников и под лозунгом «назад» предлагают не нѣчто болѣе умѣренное, а лишь возвращеніе к старому.

Оказавшись у власти в послѣреволюционное время умѣренныя начинают ликвидировать «излишества», но никогда не удерживаются в этих рамках, ликвидируют и положительныя результаты революціи и особенно охотно реставрируют при этом старыя органы управленія, нѣсколько измѣнив их наименованія. Но как ни велики грѣхи революціи, как ни сумбурны нѣкоторыя ея установленія, все-же возврат к опостылѣвшему и изжитому не вызывает симпатій, не создает и не может создать подъема общественнаго настроенія, и тогда, как свидѣтельствует исторія всѣх революцій, умѣренныя становятся неумѣренными, они тоже начинают примѣнять силу, нерѣдко впадают в преторіанство, и в конечном счетѣ, вмѣсто того, чтоб дѣйствительно внести умиротвореніе, становятся воюющей стороной, то есть продолжают создавать смугу под флагом уничтоженія смуты.

Каждая революція кончается тѣм, что приходят ликвидаторы революціи и всегда и неизмѣнно в этой неблагодарной роли выступают умѣренныя партіи.

В ликвидациі революціи, в попытках движенія назад, умѣренным, явно и замаскированно, но очень усердно, по-

могут: крайніе правые и здѣсь наблюдается удивительная закономерность: чѣмъ больше удастся отойти назад, тѣмъ ближе срокъ наступленія новой революціи.

Трудно предугадать-какъ будутъ дѣйствовать русскія умѣренныя партіи: учтутъ ли онѣ опытъ народовъ, пережившихъ революціи, или будутъ шаблонно повторятъ печальный экспериментъ; удержатся ли въ роли умиротворителей, или тоже станутъ доказывать свою правоту силою оружія? Займутся ли онѣ устройеніемъ государства, или все сведется къ уничтоженію политическихъ противниковъ; будутъ ли онѣ работать по ослабленію экономическаго кризиса въ государствѣ, или только измѣнится составъ получателей казенной субсидіи?

На эти вопросы трудно отвѣтить, но одно совершенно неоспоримо: простой отходъ назад, къ разбитому корыту никакъ не можетъ послужить ко спасенію Россіи и не дастъ разрѣшенія неотложныхъ вопросовъ.

Старая Россія умерла; въ великихъ мукахъ и страданіяхъ рождается новая, чѣмъ скорѣе совершится актъ—тѣмъ и лучше, а умѣренныя партіи желаютъ, чтобы дитя рождалось какъ можно медленнѣе—полезны ли такіе акушеры?

V.

О ПАРТІЯХЪ ВООБЩЕ.

Русская государственная жизнь не можетъ дать достаточно матеріаловъ для того, чтобы мы могли получить законченное представленіе о роли и значеніи политическихъ партій. Обзоръ, данный въ предидущихъ главахъ, позволяетъ утверждать, что въ данное время, въ данныхъ условіяхъ, при современномъ ихъ состояніи, политическія партіи не развѣ-

шают социальных проблем и, в частности, онъ безсилен спасти Россію. И только.

А что предстоит в будущем? Может быть, в будущем, и даже в ближайшем будущем, партіи получают иной характер, иное направленіе?

Может быть, это только *наши* партіи и в условіях *наших* дней и *нашей* страны. оказались банкротами? Может быть, жизнь наших партій—это только исключеніе из какого-то общаго правила? Может быть, гдѣ-то политическія партіи руководят челоѳчеством в поисках идеала?

На всѣ эти вопросы имѣются отвѣты, на них отвѣчает довольно обстоятельно и с большими матеріалами в руках хотя-бы тот-же Зомбарт в статьѣ: „Почему в Соединенных Штатах нѣтъ социализма“.

Партійная работа и ея принципы в Зап. Европѣ и в Америкѣ мало чѣм различаются, но в Америкѣ смѣло поставлены точки на і, не осталось ничего недопроявленным. Америка идет впереди, и там партійность выявлена до полного обнаженія. Таким образом, мы имѣем возможность, познакомившись с заморскими порядками, так сказать, заглянуть в будущее наших партій.

Россія несчастна тѣм, что она отсталая страна, но это-же дает ей возможность широко использовать опыт передовых стран: взять их хорошее и не повторять их ошибок и заблужденій.

Обратившись к политическим партіям Америки, мы увидим, что *единственное* их назначеніе: борьба за обладаніе властью в государствѣ—и эта борьба дошла там до таких-же углубленій и завоеваній, как и социализм в Россіи.

Борьба партій обостряется до послѣдней степени и в ней считаются допустимыми самые нечистоплотные приемы. В Америкѣ считают возможным в борьбѣ с крупным противником бросить ему печатно самыя тягостныя обви-

нения: сказать, что он обокрал учреждение, в котором служил, что он совершил гнусное преступление...—все это партийные газеты считают возможным печатать о своих противниках, хотя прекрасно знают, что это неправда. Пусть, редактор рискует быть привлеченным к суду, но суд, волокита по инстанциям, может тянуться год-два, а грязная клевета нужна только на мѣсяц, до выборов. Если, благодаря этой клеветѣ, противник выбыл из строя, то арест редактора через два года—очень дешевая цѣна. Злоупотребленіе подобным приемом привело к тому, что средство перестало дѣйствовать и газетным сообщеніям перестали вѣрить: погіб престиж печатнаго слова. Добившись всякими, допустимыми и недопустимыми приемами власти, партія начинает (дословно) „*дѣлать добычу*“, т. е. на всѣ должности партія сажит своих партийных ставленников. На этомъ рыба кончается до слѣдующих выборов.

Маленькая деталь. должности раздаются партийным людям не даром. Всѣ без исключенія обложены постоянным отчисленіем в пользу партіи в размѣрѣ двухъ процентов, должности покрупнѣе обложены десятью процентами, а губернаторы отдают в кассу партіи половину своего жалованія. Лица, покупающие таким образом должности, ничего не теряют, ибо партія, ставшая у власти и казеннаго сундука, увеличивает ставки пропорціонально взносу.

Таким образом, порядки демократической страны таковы, что там административную или общественную должность может получить *только* партийный человек, уплачивающій за должность взнос в партийную кассу. Не талант, не знанія опыта, а партийность принимаются во вниманіе в кандидатах на должности, от мелких и до самых крупных в государствѣ.

Исторія парламентаризма отмѣчает нѣсколько таких случаев, когда партія, став у власти, начинает проводить в жизнь программу своего конкурента. Так напримѣр принципиальныя разногласія между либералами и консерваторами в Англіи в срединѣ прошлаго столѣтія настолько сгладились, что консерваторы не только провели программу либералов, но и превзошли ее.

— „И. если,—говорит Каутскій,—объ партіи все-же не сдвигались, то виною этому служило, главным образом, то обстоятельство, что государственныя ясли были слишком малы, чтоб вмѣстить в себѣ всѣх тѣх, кто стремился к ним через парламент“³⁴⁾.

Ожесточенная борьба партій из-за власти создала и другую язву, которою, подобно сифилитическим гноинникам, обезображено лицо современнаго общества—это *подкуп*.

Этот порок издревле культивировали всѣ тѣ, кто домогается власти. Покупались голоса в народных собраніях древних Афин и Рима, покупали голоса политическія партіи Византии: покупались они и в Англіи чуть ли не с первых дней парламента и вплоть до наших дней. Особенно поучителен примѣр перваго в мірѣ парламента—в Англіи.

Как это свидѣтельствует в своем трудѣ Гнейст,³⁵⁾ в Англіи для многих граждан продажа избирательнаго голоса составляла самую крупную статью дохода. В концѣ 18-го столѣтія на подкуп избирателей там затрачивалось свыше 12 милліонов рублей и именно это обстоятельство дороговизна выборов побудило увеличить срок полномочій парламента с трех до семи лѣтъ. Наконец, подкуп в Англіи был признан официально „законным“ доходом,

³⁴⁾ К. Каутскій. Представительное правленіе. Стр. 69.

³⁵⁾ Гнейст. Англійскій парламента от 9-го до конца 19 столѣтія

а в 1782 г. Питт внес в парламент законопроект, предложив лишить избирательного права 36 округов, которые сдѣлали себѣ промысел из продажи голосов партіям, а чтобы не лишить эти округа „дохода“, Питт предложил уплачивать им из казны 10 милліонов рублей.

Законодательство Швейцаріи имѣет ряд статей, карающих куплю-продажу голосов. Очевидно, что эти статьи явились не без повода. Всѣ помнят, какую грязь открыло дѣло Дрейфуса во Франціи и всѣ знают: какія огромныя средства затрачивают на подкуп политическія партіи Соединенных Штатов.

Безотносительно к формам правленія, политическія партіи всюду и всегда превращают политическую борьбу в торгашескую спекуляцію. Из „Коммунистическаго манифеста“ мы уже знаем, что, „классовая борьба есть борьба политическая“, а слѣдовательно и она, в условіях парламентской дѣятельности, превращается в спекуляцію.

Итак, борьба партій в культурных странах не создает общественных цѣнностей, не приводит к открытію новых истин, она сводится по существу к борьбѣ за *обладаніе властью*, обладаніе властью ведет прежде всего к „дѣлежу добычи“, то есть к раздачѣ платных должностей своим партійным людям. Попросту говоря, совершается открытая дѣлежка общественного пирога, расхищаются народныя богатства.

Так было, так есть во всем мірѣ, но, конечно, так не должно быть.

Россія, получив через революцію свободу, в первую-же очередь воспріяла и пересадила к себѣ это отвратительное явленіе, порочащее современное человѣчество, рѣшив по наивности, что адѣсь-то и кроется призма культурности общества.

Утвердившись на неправильном выводѣ, что внѣ партій нѣтъ гражданской жизни, мы с перваго дня революціи, цо обезьяньи подражая Западу, с головой ушли в угарную атмосферу партійной борьбы, а наши партіи не пошли дальше затасканных шаблонов.

Развѣ для кого-нибудь теперь секрет, что и у нас побѣда партіи ведет к „дѣлежу добычи“? Развѣ кто-нибудь еще не знает, что и у нас уже трудно получить службу городскую, земскую и государственную, не состоя членом правительственной партіи. И у нас, явно в ущерб народному дѣлу, партія отдает такую важную отрасль хозяйства как, скажем, продовольствіе цѣлой губерніи, проворовавшемуся приказчику из потребиловки, или завѣдомому шуллеру только потому, что они послушны партійному комитету.

Всѣ прелести партійной дѣятельности мы получили буквально в один день, но это не значит, что нам посчастливилось сдѣлать очень цѣнную находку.

Политическія партіи это—организации круговой поруки для тупиц, бездарностей и авантюристов, жаждущих жить паразитами за счет опекаемаго народа ³⁶⁾.

В ином случаѣ партія это—вериги: один носит желѣзные вериги, рассчитывая таким способом получить мѣсто в царствіи небесном, другой облачается в партійныя вериги, питая увѣренность, что он получит, если не министерскій портфель, то кресло предсѣдателя земской управы.

И вот теперь возникает вопрос: каким образом какая-либо партія будет спасать Россію, когда партіи вообще

³⁶⁾ К. Маркс в свое время горько жаловался, что социалистическую партію наводнили ранне проходящцы: — адвокаты без клиентуры, врачи без больных и науки, студенты биллиарда, комми-вожеры и прочіе приквѣтныя, а главное, нелкіе журналисты.

спасаніем не занимаются, проблем не рѣшают, когда мы знаем, что у политической партіи совершенно иное и точно оплелѣненное назначеніе:

— „Каждая политическая партія необходимо ставит свою цѣлю господство. Она должна стремиться к тому, что-бы заставить власть служить себѣ, т. е. интересам того класса, который эта партія представляет, она должна стремиться сдѣлаться господствующей партіей“—³⁷⁾.

А „Коммунист. манифест“ еще болѣе пессимистичен (стр. 112):

— „Политическая власть есть, собственно говоря, власть, организованная одним классом для угнетенія других“.—

Остается еще один и единственный исход: остается предположить, что наши политическія партіи, так сказать, образумятся еще и не пойдут на путь нечестивых, что онѣ не пожелают никого угнетать и дѣйствительно будут спасать Россію, а не ссориться из-за „дѣлежа добычи — власти“. Но, к несчастію, для таких предположеній совершенно не представляется возможности.

Всѣ без исключенія наши политическія партіи очень озабочены вопросом о спасеніи Россіи, можно сказать, исключительно этим вопросом заняты. И вот, отвѣчая на вопрос: как спасти Россію,—партіи говорят: необходима единоличная диктатура; необходима коллективная диктатура; необходима директорія; необходимо правительство отвѣтственное только перед своей совѣстью; необходимо коалиціонное правительство и, наконец, необходимо коалиціонное правительство отвѣтственное перед думою.

Здѣсь собраны всѣ существующіе отвѣты и читатель видит нѣкоторую ненормальность, он видит, что на вопрос: как спасти Россію, партіи дают рецепт: как *сорганизовать власть*.

³⁷⁾ „Эрфуртская программа“. Стр. 139.

Конечно, это не отвѣтъ на поставленный вопрос и далеко не одно и то же, но партіи и не могут дать иного отвѣта. Партіи, съобразно своей природѣ, на всѣ вопросы отвѣчают предложениемъ того, или иного примѣненія *власти*; онѣ готовы на любое соглашеніе лишь бы получить власть и право стоять около казеннаго сундука. Партіи загниютъ и сожжены словомъ *власть* и по существу очень похожи на кретина, который произноситъ только одно слово и на всѣ вопросы отвѣчаетъ: жрать!.. жрать!

Безотносительно къ переживаемымъ моментамъ исторіи, бульварно-комическимъ и до ужаса трагическимъ, партіи заняты однимъ вопросомъ: кому дастанется власть?

Отсюда то невыразило отвратительное зрѣлище, свидѣтелями котораго судьба поставила насъ.

В ужасной катастрофѣ, объявившей міръ, первую рухнула Россія и умираетъ, а у ея одра партіи устроили дѣлеж добычи, рвутъ друг друга, арестуютъ, убиваютъ в кустахъ, обливаютъ блевотиной, мечутъ жребій и дѣлятъ ризы: *власть*.

Долой хищное воронье!

Пусть партіи вывѣшиваютъ на своихъ балаганахъ любого содержанія и цвѣта плакаты, пусть выкликалы в ихъ дверяхъ выкрикиваютъ какіе угодно лозунги, — мы знаемъ уже, что во всѣхъ тѣхъ балаганахъ разыгрывается одинъ и тотъ-же фарсъ: „Дѣлеж добычи“.

Долой скомороховъ!

Ядовитые газы, которыми партіи травятъ друг друга в борьбѣ за власть, отравляютъ и народъ, ослѣпляютъ его.

Во имя человѣчества милостиваго и милосерднаго: долой ослѣпителей!

Май — Сентябрь. 1918.

ПРОГРАММА ШАМАНИСТОВ

ЧАСТЬ 2-Я.

НАСТОЯЩЕЕ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Нравственное учение: Идеал. Цѣль жизни. Мораль.
  - II. Объединеніе народов: Азіатская федерація.
  - III. Распредѣленіе богатств: Нельзя быть богатым.
  - IV. Приложение: сутра „Твори радость“.
-

Сочиненія В. И. Анучина:

Разсказы сибиряка. Изд. 2-е ц 50 коп.

Разсказы и сказанія. Изд. 3 е ц. 1 р. 50 к.

По горамъ и лѣсамъ. Повѣсть. Изд. 2-е ц. 2 р.

Въ странѣ черныхъ дней и бѣлыхъ ночей. Очеркъ ц. 2 р.

Сказки. Изд. 3 е. (печатається)

Матеріаль къ областному словарю Сибирскаго на-
рѣчія. Ц. 50 к.

Дѣдовщина въ Сибири. Ц. 25 к.

Очеркъ шаманизма у Енисейскихъ остяковъ. Ц. 1 р. 35 к.

Енисейскіе остяки. Ц. 2 р.

Соціальный законъ. (Законъ періодичности въ на-
родныхъ движеніяхъ.) Ц. 80 к.

Изданія Т. В. Сенченко продаются в книжных мага-
зинах П. И. Макушина.